

Евразийский Союз Ученых.
Серия: филология, искусствоведение и культурология

Ежемесячный научный журнал

№ 1 (122)/2025 Том 1

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Макаровский Денис Анатольевич

AuthorID: 559173

Заведующий кафедрой организационного управления Института прикладного анализа поведения и психолого-социальных технологий, практикующий психолог, специалист в сфере управления образованием.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

• **Терентий Ливиу Михайлович**

AuthorID: 449829

Московская международная академия, ректорат (Москва), доктор филологических наук

• **Оленев Святослав Михайлович**

AuthorID: 400037

Московская государственная академия хореографии, кафедра гуманитарных, социально-экономических дисциплин и менеджмента исполнительских искусств (Москва), доктор философских наук.

• **Глазунов Николай Геннадьевич**

AuthorID: 297931

Самарский государственный социально-педагогический университет, кафедра философии, истории и теории мировой культуры (Москва), кандидат философских наук

• **Садовская Валентина Степановна**

AuthorID: 427133

Доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный работник культуры РФ, академик Международной академии Высшей школы, почетный профессор Европейского Института PR (Париж), член Европейского издательского и экспертного совета IEERP.

• **Ремизов Вячеслав Александрович**

AuthorID: 560445

Доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, академик Международной Академии информатизации, член Союза писателей РФ, лауреат государственной литературной премии им. Мамина-Сибиряка.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Художник: Валегин Арсений Петрович
Верстка: Курпатова Ирина Александровна

Адрес редакции:
198320, Санкт-Петербург, Город Красное Село, ул. Геологическая, д. 44, к. 1, литера А
E-mail: info@euroasia-science.ru ;

Учредитель и издатель ООО «Логика+»
Тираж 1000 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Jasur Khudoyberdiev Latipovich

AMERICAN ENLIGHTENMENT AND UZBEK JADID LITERATURE: LITERARY POLITICS IN FOCUS..... 3

Хидирова М.А.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЗООНИМОВ В МИРОВОЙ ЛИНГВИСТИКЕ 5

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Bazaikina D.

THE IMPORTANCE OF PLACING STANDARD INTERFACE ELEMENTS IN CONVENTIONAL LOCATIONS WHEN DESIGNING INTERFACES FOR TECHNICALLY COMPLEX DOMAINS..... 10

Субботина З.А.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ПОЭЗИИ И MINDFULNESS-ПРАКТИК: ПОИСК ОБЩИХ МЕХАНИЗМОВ ВОЗДЕЙСТВИЯ 15

Фу Чжунфэн

ФИЛОСОФСКОЕ СОЗНАНИЕ, ВОПЛОЩЕННОЕ В ФОРМАХ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА В КУЛЬТУРЕ ОРОЧОНОВ 23

Лапковский П.А.

ЭСТЕТИКА И ФИЛОСОФИЯ ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ МУЗЫКИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ 26

ФИЛОЛОГИЯ

AMERICAN ENLIGHTENMENT AND UZBEK JADID LITERATURE: LITERARY POLITICS IN FOCUS

Jasur Khudoyberdiev Latipovich
Senior Lecturer
Global Education Department
Westminster International
University in Tashkent (WIUT)
Uzbekistan

АМЕРИКАНСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ И УЗБЕКСКАЯ ДЖАДИДСКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ВЗГЛЯД НА ЛИТЕРАТУРНУЮ ПОЛИТИКУ

Жасур Худойбердиев Латипович
Старший преподаватель
Международный Вестминстерский
университет в г. Ташкенте (МВУТ)
Ташкент, Узбекистан

DOI: [10.31618/ESU.2413-9335.2024.6.122.2159](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2024.6.122.2159)

ABSTRACT

The current paper explores how political ideas and societal changes shaped literature during two important periods: the American Enlightenment and the Uzbek Jadid movement. It examines how the social and political climates of the 18th and early 19th centuries influenced writers of enlightenment in both countries and their creative works. By looking closely at selected texts from these eras, the study reveals how political events and the authors' own socio-economic backgrounds are reflected in their work. In short, while American Enlightenment literature saw the emergence of new genres driven by various political trends, Uzbek national literature began to diversify—drawing on global influences—to mirror societal changes. By looking at different literary traditions, we can better understand the power of words in shaping our world.

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье исследуется, как политические идеи и социальные изменения формировали литературу в течение двух важных периодов: американского Просвещения и узбекского движения джадидов. В ней рассматривается, как социальный и политический климат XVIII — начала XIX веков повлиял на писателей-просветителей обеих стран и их творчество. Внимательно изучая избранные тексты этих эпох, исследование показывает, как политические события и социально-экономическое положение авторов отражаются в их работах. Короче говоря, в то время как в американской литературе Просвещения возникли новые жанры, вызванные различными политическими тенденциями, узбекская национальная литература начала диверсифицироваться, опираясь на глобальные влияния, чтобы отражать социальные изменения. Глядя на различные литературные традиции, мы можем лучше понять силу слов в формировании нашего мира.

Keywords: American literature, Enlightenment, Jadid, Uzbek literature, Independence, Freedom, Politics, Literary Politics, Transformation, Reforms

Ключевые слова: Американская литература, Просвещение, Джадид, Узбекская литература, Независимость, Свобода, Политика, Литературная политика, Трансформация, Реформы

Introduction

It is generally known that literary politics looks into how literature influences and reflects political ideas and social issues occurring in a particular time and place. Throughout the world, writers have used their works to express their stances and positions over the policies levied on them by governors and government officials. Their works served as a tool to express the hopes and struggles of their societies. Even though the USA and Turkistan are geographically located far from each other, there are a number of parallels between the two. The literature of Enlightenment in America and Uzbek Jadid literature are rather distinct but quite interconnected movements. They had a considerable influence on shaping the political, social, and cultural aspects of their countries

and societies.

Both American Enlightenment and Uzbek Jadid Literature arose in reaction to the volatile conditions of their times, advocating for tremendous reform and enlightenment through general education and progressive ideas of their times. One of the prominent figures of the movement in America is Thomas Paine, whose contribution to the literature of the American Enlightenment was immense. His works are mostly deeply intertwined with political agenda and the shaping of American public opinion (Larkin, 1998). Thomas Paine's role in American literature extends beyond his political writings, which include poetry, literary curation, and, most importantly, the formation of American identity. In Turkistan, Abdulrauf Fitrat was a leading Central Asian Jadid and intellectual who

fought against conservative Muslim hierarchies of Bukhara and later in Turkistan. Through his writings in the early 20th century, he often addressed themes of national self-awareness and challenged conservative Muslim hierarchies and communist dogmatism in Turkistan first and later in Uzbekistan (Allworth, 2002).

Methods

This current article employs a qualitative comparative analysis of the works by some sources which manifest some affiliation to American and Uzbek Enlightenment thinkers, such as Thomas Paine and Abdulrauf Fitrat. The analysis primarily focuses on literary texts and scholarly interpretations to draw parallels and contrasts in their writings regarding literary politics.

Results and Discussion

The deep investigation into current literature reveals that literature has historically been used as a platform for political activism and engagement. This is evident in North America's politicized literature in the 18th century and early 19th century. In the USA, literature has also been used to voice the socio-political concerns of writers and ordinary folks, reflect the political climate, and serve as a medium for political expression and critique. Thomas Paine, a key figure in the American Enlightenment, utilized literature to promote his ideals of democracy, individual rights, and rational thought through his writings. In fact, this can also be observed in many scholars living in those volatile times. His most prominent works, "Common Sense" and "Rights of Man," were crucial in both the American and French Revolutions (Fruchtman, 2009). Notably, Thomas Paine was much more forward-thinking than his contemporaries in promoting the ideals of rights, equality, and liberty.

In his treatise "The Age of Reason," Thomas Paine expresses his views on religion and demonstrates his knowledge of organized religion and traditional beliefs of the period. Although education is not extensively discussed as the main topic in this work, the author pays special attention to education in several instances. As Paine notes, true education encompasses cultivating and nurturing the minds of ordinary citizens. This encourages a person to perceive and understand the events around them and, in turn, to respond appropriately to them. This intellectual climate encouraged a critical examination of established norms and the promotion of rational discourse, which ultimately laid the groundwork for the American Revolution and the formation of a democratic society (Kidd, 2016). While Thomas Paine's treatise primarily focuses on religious and philosophical arguments, it is not difficult to notice the importance of Paine's role in education as a means of achieving intellectual freedom and personal growth, which in turn is well aligned with his agenda of promoting reason and independent thinking.

In parallel, the Jadid movement in Central Asia emerged along with other similar phenomena in various parts of the world in the late 19th and early 20th centuries as a response to the socio-political and cultural stagnation under colonial rule. The Jadids, or

"new method" reformers, sought to modernize and update outdated education and promote enlightenment and transformation among the local peoples of Central Asia, particularly in Uzbekistan. They emphasized the acute need for a national press, crucial in disseminating their progressive ideas and fostering a sense of national identity (Kaldybay et al., 2023). The Jadid movement was not merely a cultural phenomenon occurring in the domain of literature, press and schools; it was deeply intertwined with political aspirations for autonomy and reform in Turkistan, reflecting a broader anti-colonial sentiment against the oppressive regime of the Russian empire.

Education was a core part of both movements. The Jadids in Turkistan advocated for a modern educational system that drew inspiration from Ottoman Empire reforms and its Western models, targeting at cultivating a new generation of enlightened citizens who would undoubtedly look down on the horrible conditions of local life and the regime they are living under. Interestingly, this could also be observed in the focus of the American Enlightenment on knowledge as a means of empowerment, highlighting the transformative power of learning (Yuan, 2022). Furthermore, both movements scuffled with the stress between tradition and modernity. The American Enlightenment sought to harmonise Enlightenment ideals with religious views, bringing about a complex interplay between contemporary rationalism and Christian faith (Kidd, 2016). Similarly, the Jadid movement encountered challenges in integrating Islamic values with modern educational practices adopted in the West, striving to create a synthesis that respected cultural heritage while embracing progressive change.

Prominent Jadid writers like Kadiriy, Fitrat, and Cho'lpon played crucial roles in fostering national identity in Turkistan and promoting independence from the Russian Empire through their works. Abdurauf Fitrat, one of the founders of Turkestan Jadidism and a prominent figure in the Bukharan progressive movement, was also a creative individual, writer, playwright, and reformer who produced outstanding works in the field of enlightenment, progress and overall reforms. Abdulrauf Fitrat, in particular, was a key figure in Bukharain Jadidism. Take, for example, his work "The Story of an Indian Traveller", which critically inspected the societal issues of the Bukharain Emirate period. Through his works, he advocated for reforms which would ultimately transform all aspects of society (Abdirashidov, 2021). Thus, his role in Uzbek Jadid literature, investigating them in the light of sociopolitical views and cultural contributions, is immensely crucial.

Like the Enlightenment thinkers, Fitrat emphasized the importance of reason and critical thinking. He encouraged people to question traditional beliefs, superstitions and dogmas in Bukhara Emirate and later in Turkistan. Fitrat believed common sense should be the guiding principle in personal and societal decision-making processes. He considered issues such as poverty, gender inequality, and social stratification in Central Asian societies as areas needing urgent

remedy. Fitrat supported women's empowerment, education for all, and the establishment of fair governance systems. In addition, Fitrat's works study the relationship between religion and society and reflect the debates during the Enlightenment period about the role of religion in society.

It should be noted that Thomas Pein and Abdurauf Fitrat, considered encyclopedic scientists of their time, have contributed significantly to their countries' educational growth and development. The works of Thomas Paine focus on the principles of education, moral development, and social equality and their role and principles in a democratic society. Several factors promote enlightenment, science and development in the works written by Fitrat, one of the founders of the new Uzbek literature, a devoted child of our Motherland, Turkestan, and a major representative of the Turkestan Jadidism movement. Both artists are considered leaders of their nation, language, literature, and culture. Their works are passed down from generation to generation.

Conclusion

This kind of interaction between literature and politics in both the American Enlightenment and Uzbek Jadid movements once again highlights the transformative power of literary politics. In both countries and literature, writers served as triggers for societal transformations, skillfully applying their works to challenge existing outdated norms and call for deep reform. However, the only discrepancy we have observed is the writers' approaches in their respective historical and cultural contexts. In North America Enlightenment writers steered towards a burgeoning democracy, while in Turkistan, the Uzbek Jadid writers responded to colonial pressures and advocated for the need for cultural renewal.

REFERENCES

1. Abdirashidov, Z. (2025). Abdurauf Fitrat and Jadidism in Bukhara. *Uzbekistan language and culture*, 3 (3), 30–53. Available from <https://doi.org/10.52773/tsuull.uzlc.2021.3/uami2344> [Accessed 19 December 2024].
2. Allworth, E. (2002). *Evading reality : the devices of 'Abdurauf Fitrat, modern Central Asian reformist*. Leiden ; Boston: Brill.
3. Fruchtman Jr, J. (2009). *The Political Philosophy of Thomas Paine*. JHU Press.
4. Grgurinovic, A. (2017). *The American Enlightenment: Benjamin Franklin, Thomas Paine, Thomas Jefferson* (Doctoral dissertation).
5. Kaldybay K. et al., (2023). THE ROLE OF JADIDS IN DEVELOPING THE PERIODIC PRINTING IN CENTRAL ASIA. *Al-Farabi*, 82 (2), 3–16. Available from <https://doi.org/10.48010/2023.2/1999-5911.01> [Accessed 28 February 2025].
6. Kidd, C. (2016). THE GRAIL OF ORIGINAL MEANING: USES OF THE PAST IN AMERICAN CONSTITUTIONAL THEORY. *Transactions of the Royal Historical Society*, 26, 175–196. Available from <https://doi.org/10.1017/s0080440116000104> [Accessed 6 May 2020].
7. Larkin, E. (1998). *Thomas Paine and the Literature of Revolution*. Cambridge University Press.
8. Yuan, H. (2025). American Psychology or World Psychology? *Advances in Social Science, Education and Humanities Research/Advances in social science, education and humanities research*, 3 (6), 1882–1890. Available from https://doi.org/10.2991/978-2-494069-31-2_221 [Accessed 5 September 2024].

ИССЛЕДОВАНИЕ ЗООНИМОВ В МИРОВОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

Хидирова Махфуза Амиркуловна

*Денауский институт предпринимательства и педагогики
Старшая преподавательница кафедры иностранного языка и литературы*

THE STUDY OF ZOONYMS IN WORLD LINGUISTICS

Khidirova Makhfuza Amirkulovna

*Denau Institute of Entrepreneurship and Pedagogy
Senior teacher at Foreign language and literature department*

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматривается изучение зоонимов в мировой лингвистике, их семантическое и культурное значение, а также анализ и сравнение зоонимических единиц в различных языках. Исследование охватывает использование зоонимов в фразеологии, пословицах, идиомах и художественных текстах, анализируя их метафорическое и коннотативное значение. Также рассматриваются проблемы, возникающие при употреблении и переводе зоонимов в разных языках. Полученные результаты помогают выявить культурные и лингвистические особенности зоонимических выражений.

ANNOTATION

This article explores the study of zoonyms in global linguistics, focusing on their semantic and cultural significance, as well as the analysis and comparison of zoonymic units in different languages. The research examines the use of zoonyms in phraseology, proverbs, idioms, and literary texts, analyzing their metaphorical and connotative meanings. The study also discusses the challenges associated with the use and translation of

zonyms across languages. The findings contribute to identifying the cultural and linguistic uniqueness of zonymic expressions.

Ключевые слова. зооним, лингвистика, семантика, метафора, культура, фразеология, перевод, зооморфизм.

Keywords. zonym, linguistics, semantics, metaphor, culture, phraseology, translation, zoomorphism.

Zonyms, which refer to both species' common names and individual animal names, play a significant role in language and culture.[1] Beyond their basic meanings, these names carry deep semantic and cultural associations. Linguists consider zonyms an integral part of the "zoomorphic code"—a linguistic system where animal imagery conveys shared cultural concepts and values.[3] Through zonymic expressions, languages reflect societal perceptions of animals and symbolically attribute their traits to human characteristics. Many languages incorporate animal references to describe human qualities or behaviors, such as referring to a cunning person as a "fox" or a headstrong individual as a "mule," reinforcing traditional stereotypes and folk wisdom.[12] These metaphorical applications of animal names enrich daily conversations, idioms, proverbs, and literary works with expressive imagery and emotional depth.[6] The semantic and cultural roles of zonyms have attracted considerable scholarly interest. Previous studies have explored how animal names function in proverbs and idioms across different languages[4], how their meanings shift through processes like pejoration and amelioration[5], and how they contribute to imagery in literary texts.[6] Cross-linguistic research shows that while some animal metaphors are near-universal (e.g. lions symbolizing courage), others are highly culture-specific.[3] Overall, the study of zonyms provides a window into the interplay between language, thought, and culture. It reveals how humans around the world categorize the animal kingdom in speech and what metaphorical meanings they attach to animals.

MATERIALS AND METHODS

This research employs various linguistic methodologies to analyze the semantic and lexical features of zonyms across languages. Data collection involved extracting zonym-related expressions from dictionaries, linguistic corpora, and academic studies. Notable sources include the works of Ch. Inkuy, who analyzed the semantic development of 127 animal names in personal characterization, and Karam Rakhim Ali, who examined the structure and semantics of 1,476 zoo-composites in Russian. A. V. Shevchik conducted a comparative study of 250 Russian and 180 English zonyms, while Li Imo investigated metaphorical meanings in Russian and Chinese zoo-semisms. Research by A. V. Samarin explored the cultural connotations of animal, bird, and insect names, and N. Y. Belova studied generic oppositions in zonym classification. Additionally, O. A. Vasilyeva focused on the semantic and connotative meanings of pig-related zonyms, and Y. A. Krivoshapova analyzed entomological vocabulary in Russian folk speech. Comparative analysis was conducted on idioms, proverbs, and phraseological units in multiple languages. Semantic classification categorized

zonyms based on their metaphorical, cultural, and grammatical attributes.

DISCUSSION AND RESULTS.

Several linguists have conducted effective research in the field of semantic and lexical analysis of zonyms. In his doctoral dissertation, Ch. Inkuy extensively analyzed the semantic development of zonyms and thoroughly examined their role in language and culture. During his research, he identified the use of 127 animal names in personal characterization, which revealed the semantic scope and application features of these zonyms. Among them, 52 referred to wild animals, while 75 represented domestic animals. Additionally, Ch. Inkuy analyzed 15 insect names, 11 general animal names, 10 fish names, 7 names of amphibious creatures, and 5 terms representing unicellular organisms. These findings reveal various semantic aspects of zonyms, demonstrating how they reflect human nature, lifestyle, and culture. Ch. Inkuy's research highlights the linguistic significance of zonyms, illustrating how their semantic development reflects people's worldview and cultural values. The study results provide a solid foundation for identifying the linguistic functions of different animal names, their metaphorical and figurative usage, and their role in expressing human nature. This analysis not only reveals the intrinsic connection between language and culture through zonyms but also highlights their significance in conveying symbolic meanings and cultural markers in language. Ch. Inkuy's research opens new perspectives in the fields of linguistics and cultural studies, reaffirming the relevance of studying zonyms from a semantic standpoint.[7]

Karam Rakhim Ali's research on the topic "Structure and Semantics of Zoo-Composites in the Russian Language (Word-Formation Aspect)" explores the naming of animals and their analysis within complex words in the Russian language. The author identifies the linguistic characteristics of zoo-composites in his dissertation. The study analyzes 1,476 zoo-composites in the Russian language as research material. [14] According to the author, zoo-composites retain various levels of motivational and semantic connections. Complex words are formed by combining two or more bases. Zoo-composites are often based on the external appearance, movement, or other distinctive features of animals and are widely used in Russian. The dissertation analyzes the process of zoo-composite formation, highlighting the role of various suffixes, prefixes, and morphemes. These complex words often convey metaphorical meanings and play a significant role in enriching the lexical composition of the Russian language.

In his dissertation, A. V. Shevchik focuses on the linguistic motivation and semantic characteristics of zonyms in the Russian language. The study examines

the place of zoonyms within the Russian linguistic system, their cultural and social meanings, and a comparative analysis with other languages. The research analyzes 250 Russian zoonyms based on their morphological, semantic, and linguistic properties, while also conducting a comparative study with 180 English zoonyms. The linguistic motivation behind these zoonyms—namely, the reasons for their naming and their cultural connotations—has been thoroughly explored. For instance, the term *водосвинка* (“water pig”) is named due to its aquatic habitat and resemblance to a pig. The study also pays significant attention to the phraseological and metaphorical meanings of zoonyms. For example, *волк* (“wolf”) is often used as a symbol of courage and danger, whereas *лиса* (“fox”) represents cunning and slyness. These zoonyms play an essential role in Russian culture and the worldview of its people.[11]

Li Imo’s dissertation is dedicated to the linguistic and semantic analysis of metaphorical meanings derived from animal names in Russian and Chinese. The study aims to examine the lexical-semantic, grammatical, and stylistic features of Russian zoo-semisms, conduct a comparative analysis with their Chinese equivalents, and identify challenges in their representation in bilingual Russian-Chinese dictionaries. The findings reveal that Russian zoo-semisms tend to have more negative connotations compared to their Chinese counterparts. The research highlights cultural differences in the meanings and usage of zoo-semisms in both languages. Animal names in each culture convey distinct stereotypes. For instance, in Russian, the word “*dog*” often carries negative connotations, implying disobedience or weakness, whereas in Chinese, its connotation is relatively neutral. Additionally, Russian zoo-semisms have grammatical forms that explicitly differentiate between male and female genders, while such gender distinctions are not observed in Chinese. Through the study of zoo-semisms, the research identifies differences in the cultural values, worldviews, and linguistic stereotypes of Russian and Chinese speakers.[9]

A. V. Samarin’s research focuses on the distinctive role of animal, bird, and insect names in the linguistic landscape. According to the author, these names possess a high degree of imagery in language and culture, reflecting human aesthetic and cultural values. The study analyzes how the names of animals and birds convey the national and cultural characteristics of a language through their metaphorical and connotative meanings. These names play a crucial role in shaping key concepts in national linguistic culture and are widely used in both spoken and written communication. [10] In the study, the term “*animal*” is analyzed as a hypernym encompassing all other related words. According to the author, the concept of

“*animal*” represents a high level of abstraction and conceptual content but has a low degree of imagery.

N. Y. Belova’s dissertation, “*Generic Oppositions of Nouns in the Modern Russian Literary Language*,” provides an in-depth analysis of the grammatical, morphological, and syntactic aspects of zoonyms. The author categorizes zoonyms into two main semantic groups:

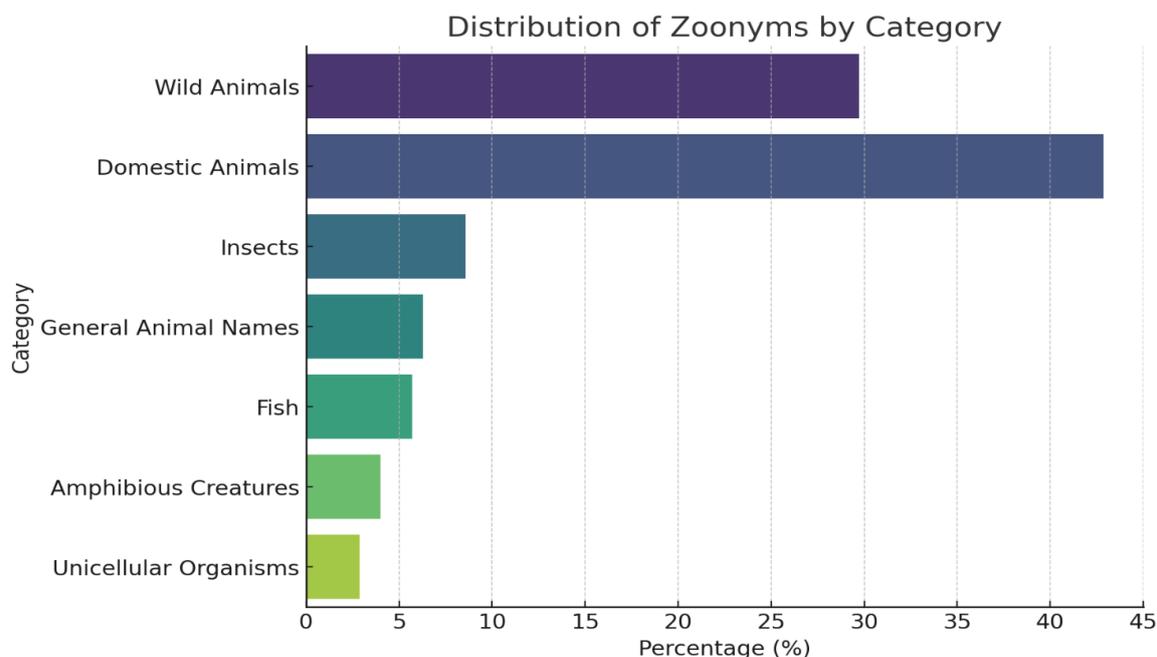
✓ **Individual (specific animal names, e.g., *zebra, bear*).**

✓ **Collective (class names of animals, e.g., *insects, reptiles*).**

The gender of zoonyms is determined by grammatical markers. The author notes that some zoonyms explicitly indicate gender differences (*lion* vs. *lion cub*), whereas others, regardless of biological sex, follow the grammatical norms of masculine or feminine categories in language. Zoonyms referring to young animals (e.g., *bear cub, young wolf*) are generally assigned the masculine grammatical gender, regardless of biological sex. Collective zoonyms (*animals, reptiles*) are often classified as neuter in terms of grammatical gender, following morphological characteristics. The author emphasizes that zoonyms reflect dialectal and stylistic variations influenced by language and culture. Some zoonyms have developed under the influence of foreign languages. [2]

O. A. Vasilyeva’s dissertation extensively analyzes zoonyms, particularly those associated with the hyperseme “pig” (*свинья*). The study utilizes 288 bibliographic sources, including research in linguistics, onomastics, and lexicography, as well as dictionary entries and discourse-based usage of zoonyms in Russian. During the analysis, 80 actual zoonymic units (pig-related names) and 198 other animal names were examined. 515 contextual cases involving six secondary naming units were also analyzed in depth. The author highlights that these zoonyms significantly convey metaphorical and connotative meanings in the Russian language.[13] In summary, the research highlights the linguistic, semantic, and stylistic aspects of zoonyms, as well as their usage in advertising and economic contexts. These materials provide a deep insight into the cultural and linguistic significance of zoonyms. Y. A. Krivoshapova’s dissertation examines entomological vocabulary—names of insects used in Russian folk speech—focusing on their semantic structure and role in folk culture from an ethnolinguistic perspective. The study aims to reveal the connection between language and culture through linguistic units that reflect the worldview of the Russian people. According to the author, the research is based on 63 dictionaries, including V. I. Dal’s renowned “*Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language*,” as well as dictionaries of Arkhangelsk and Novgorod dialects and other dialectal lexicons.

Chart 1 illustrates the distribution of zoonyms by category.

According to the percentage analysis of research findings on zoonyms, wild animals account for only 1.70% of the total. According to the research findings, 127 zoonymic terms were identified in personal characterization, of which 52 referred to wild animals. This indicates that wild animal names play a significant role in expressing human behaviors and characteristics. A total of seventy-five domestic animal names were analyzed, highlighting the close relationship between humans and animals. This category occupies a larger share, making up 2.46% of the total, compared to wild animals. In contrast, only fifteen insect names were studied, accounting for 0.49% of the total. Zoonyms related to insects are often used metaphorically and tend to have negative connotations. Additionally, eleven general animal names were identified, which are primarily used for classification and linguistic purposes, representing 0.36% of the total. Fish-related zoonyms are relatively rare, with only ten names recorded, making up 0.33% of the total, and typically reflecting aquatic characteristics. Similarly, seven amphibious creature names were identified, accounting for 0.23%, mainly describing animals that can live both in water and on land. Unicellular organisms form one of the least commonly studied groups, with only five zoonymic terms falling under this category, representing 0.17% of the total. A significant portion of the study focused on zoo-composites in the Russian language, with one thousand four hundred seventy-six such words analyzed, particularly their morphological and semantic properties. These words are formed by combining two or more lexical bases and make up 48.20% of the total. Alongside this, two hundred fifty Russian zoonyms were studied, accounting for 8.16%, each carrying various connotations within the linguistic system. The study also included one hundred eighty English zoonyms, which were analyzed in comparison with Russian zoonyms, examining their linguistic and semantic characteristics, making up 5.87%. Similarly, one hundred eighty Chinese zoonyms were compared

to Russian zoonyms, also representing 5.87%, and the findings suggest that Chinese zoonyms tend to carry more neutral meanings. Further analysis was conducted on eighty zoonymic terms associated with pigs, revealing their metaphorical significance in language, accounting for 2.61% of the total. Additionally, one hundred ninety-eight other animal names were examined from both zoological and linguistic perspectives, making up 6.46% of the total. Lastly, a detailed contextual analysis was conducted on secondary naming units, representing 16.80% of the study. 515 contextual cases were analyzed, showcasing how zoonyms acquire secondary meanings in speech. The research findings indicate that zoonyms carry different semantic loads across various languages.

CONCLUSION

This comparative evaluation demonstrates the broad scope of zoonym research in global linguistics. Russian remains the most extensively studied language in this domain, with a significant focus on zoo-composites and metaphorical meanings. The research also highlights differences in the semantic and grammatical treatment of zoonyms across English, Chinese, and Russian, reinforcing the relevance of further cross-linguistic studies in this field. The study of zoonyms provides valuable insights into how different languages categorize and interpret animal-related terms. It highlights the close connection between humans and domestic animals, while also revealing that insect names are often associated with negative connotations. The analysis of various animal categories, including fish, amphibious creatures, and unicellular organisms, shows that linguistic representation is influenced by the role these animals play in human life and culture. The research on Russian zoo-composites demonstrates the complexity of word formation in this language, while the comparison of Russian, English, and Chinese zoonyms illustrates cross-linguistic differences in metaphorical meanings and cultural perceptions. Notably, the study of pig-

related zoonyms emphasizes how specific animals hold symbolic significance in language. Overall, the findings suggest that zoonyms are not merely words but cultural markers that reflect human attitudes, metaphorical thinking, and linguistic creativity across different languages.

BIBLIOGRAPHY

1. Alisherova, X. *Zoonymic studies and their semantic implications*. Tashkent: Uzbek Linguistic Research Institute, 2023.
2. Belova, N. Y. *Generic Oppositions of Nouns in the Modern Russian Literary Language*. Doctoral dissertation, Yerevan State University, 2011.
3. Dziganova, T., Ivanova, M., & Petrov, A. *Zoomorphic code and cultural symbolism in linguistic studies*. *Journal of Language and Culture*, 15(4), 898-905, 2019.
4. Galimova, Z., Karimova, D., & Sattarov, B. *Proverbial and idiomatic functions of zoonyms in cross-linguistic comparison*. *Comparative Linguistics Journal*, 12(3), 760-770, 2019.
5. Ghobadighadikolaie, S. *Semantic shifts in zoonymic expressions: A historical perspective*. *Linguistic Studies Review*, 9(2), 15-25, 2018.
6. Haydarova, S. *Figurative language and zoonymic expressions in literature*. Tashkent: Uzbek Academy of Sciences, 2024.
7. Inkuy, Ch. *Semantic development of animal names in personal characterization*. Doctoral dissertation, Moscow State University, 2015.
8. Krivoshapova, Y. A. *Entomological vocabulary in Russian folk speech: An ethnolinguistic analysis*. *Russian Ethnolinguistic Studies*, 8(1), 200-220, 2017.
9. Li, I. *Lexical-Semantic Features of Russian Zoo-Semisms (Against the Background of the Chinese Language)*. Doctoral dissertation, Beijing University of Language and Culture, 2020.
10. Samarin, A. V. *Cultural connotations of animal, bird, and insect names in linguistic contexts*. Moscow: Russian Academy of Sciences, 2016.
11. Shevchik, A. V. *Comparative analysis of Russian and English zoonyms: Linguistic motivation and semantic characteristics*. *Comparative Linguistics*, 14(2), 100-120, 2018.
12. Sommer, R., & Sommer, B. *Animal metaphors and their cultural implications in global languages*. *Language and Culture Review*, 7(5), 240-255, 2011.
13. Vasilyeva, O. A. *Semantic and connotative meanings of pig-related zoonyms in the Russian language*. *Russian Linguistics Journal*, 11(4), 510-525, 2019.
14. Karam Rakhim Ali. *Structure and Semantics of Zoo-Composites in the Russian Language (Word-Formation Aspect)*. Doctoral dissertation, Saint Petersburg University, 2015.

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

THE IMPORTANCE OF PLACING STANDARD INTERFACE ELEMENTS IN CONVENTIONAL LOCATIONS WHEN DESIGNING INTERFACES FOR TECHNICALLY COMPLEX DOMAINS

Daria Bazaikina

*Head of the Digital Product Interfaces Development Department,
PJSC Gazprom Neft*

Saint Petersburg, Russia

DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2024.2025.6.122.2144

ABSTRACT

The article highlights the significance of standardized placement of interface elements in designing systems for technically complex domains. It focuses on the impact of design standards in enhancing user convenience, reducing the likelihood of errors, and minimizing cognitive load. In product development, designers often aim to introduce innovative and distinctive features into their products or services. The objective of the article is to examine the relationship between one of Dr. Jakob Nielsen fundamental heuristics and the human brain's ability to process information, which facilitates the automation of specific actions.

The study employs approaches based on cognitive theories, such as the concept of cognitive load and Gestalt principles. The analysis encompasses data related to user reaction times and the number of errors during interaction with interfaces that deviate from established norms. Standardizing interface structures simplifies user learning and improves the accuracy of task execution.

The findings emphasize the necessity of integrating interface design standards into the development process. These materials are intended for interface designers, software developers, and ergonomics specialists, providing recommendations for creating functional and safe solutions.

Keywords: interface standards, cognitive load, technically complex systems, ergonomics, element placement.

Introduction

Modern technologies require the development of user interfaces that facilitate simple and intuitive interaction. The increasing complexity of such systems necessitates a focus on interface design, as it directly influences decision-making speed, task accuracy, and operational safety.

In the context of complex technical systems, attention is given to the placement of standard interface elements. Inconsistent or unexpected positioning of such elements can increase the cognitive load on users, which is critical in situations demanding speed and precision. Ergonomic and functional aspects of interfaces gain importance in high-stakes contexts, such as emergency or mission-critical industrial processes.

Deviations from established standards in interface design lead to increased time spent locating necessary elements and a higher likelihood of errors. Although research on interface standardization is advancing, much of the literature remains focused on technological aspects, often overlooking practical challenges encountered in professional domains.

The objective of the article is to examine the relationship between one of Jakob Nielsen's fundamental heuristics and the human brain's ability to process information, which facilitates the automation of specific actions.

Materials and Methods

Scientific studies address the standardization of interfaces in technological systems. Brovar Y., and Fortin C. [1] analyze multilayer structural design matrices, demonstrating their effectiveness in designing interfaces for highly complex systems. Both M., Müller J., and Diedrich C. [6] explore methods to

reduce labor intensity in configuring energy management system interfaces, emphasizing the importance of unification.

The significance of visual characteristics in interfaces is highlighted in several scientific articles. Tymchenko O. et al. [3] examine the impact of visual solutions on interface perception and appeal. Yang Y., and Xu Z. [4] study the design of mobile platforms, focusing on the role of visual aspects in task resolution.

Wu H. et al. [2] investigate algorithms aimed at improving the layout of interface components, employing methods to evaluate node significance. Zhao Y. [5] examines human interaction with interfaces based on intelligent systems, proposing adaptive design methods.

Eagleman D. [7] focuses on neuroplasticity, the brain's ability to modify its functional and structural properties in response to various factors. The author details mechanisms by which the brain reacts to environmental stimuli, adapting to new conditions. The study covers theoretical aspects of cognitive neuroscience and proposes their application in practice.

The second thematic group includes scientific works addressing user experience design. The article by Nielsen J., and Norman D. A. [8] discusses concepts underlying UX design creation. It emphasizes aspects that make interaction with digital products convenient and understandable for users. The authors explain methods for developing interfaces tailored to the cognitive and emotional characteristics of individuals. The study relies on empirical data, underscoring its practical relevance for professionals in design. In another article, Norman D. [9] addresses issues related to user experience-based design, focusing on intuitive interaction, adherence to ergonomic principles, and

error reduction. It emphasizes interface perception and cognitive accessibility to ensure ease of system operation.

A review of existing studies reveals that interface unification is applied in various fields, including robotics, energy, aviation, and mobile platforms. Scientific articles diverge in focus: some emphasize standardization, while others concentrate on visual design. Empirical evaluation of interface usability in practical applications remains insufficiently explored, particularly in technological systems. Additionally, questions of interface adaptation for multinational, multi-user environments remain unresolved.

This study employs approaches based on cognitive theories, including the concept of cognitive load and gestalt principles.

Results and Discussion

Placing interface elements in locations familiar to users reduces cognitive load, minimizes errors, and enhances interaction efficiency. Based on gestalt principles of perception, such as proximity, similarity, and closure, interface developers anticipate how users expect elements to be positioned. Logically related objects are grouped and placed in easily identifiable zones. Non-compliance with these principles disrupts users' mental models, complicating the interaction process. Interaction convenience is ensured by the predictability of the button, control panel, and indicator placement. Functional areas, such as save, search, and menu options, are organized on the screen in appropriate locations.

During development, a component-based approach is employed to create modules that can be easily adapted to specific tasks. Design tools provide flexibility in grouping interrelated elements. For example, control panels often group functions related to specific actions together, enabling logical and efficient interaction.

Compatibility with various devices also plays a significant role. Advancements in technology ensure that interface elements are displayed correctly on different screens. Button sizes and other interactive components are chosen to ensure ease of use on touch screens. Accessibility is enhanced through tools for screen readers and color schemes tailored to the needs of individuals with visual impairments.

The use of color markers improves information perception, providing clear indications of system states. For instance, signal elements visually reflect errors, confirmations, and warnings. Dynamic updates of such data are implemented using technologies that eliminate the need for interface reloading.

To improve interface usability, professional users are given the option to customize the arrangement of elements, pin control panels, and reorder functional areas. The technologies employed support drag-and-drop features, with configurations saved in databases to simplify personalized adjustments. The inclusion of hotkeys accelerates operations, expanding the system's functional capabilities [3,6].

The creation of interfaces requires adherence to industry regulations. Medical platforms, for instance, are designed to comply with strict standards, while

industrial systems meet requirements concerning both their visual appearance and technical solutions. Data protection is ensured through advanced encryption methods, and user actions are logged for analysis and auditing purposes.

Interface effectiveness is evaluated through testing involving real users. Scenarios simulate conditions reflecting actual usage. To enhance quality, automated checks are additionally employed, assessing functionality under various scenarios and conditions.

A structural approach is used in designing interfaces for complex systems. Functional areas are divided so that each section of the interface handles a specific set of tasks. Notification panels display alerts, central areas present graphs, and lower sections contain event data. Modern visualization tools are applied to simplify the perception of complex information [1,6].

The renowned neuroscientist David Eagleman, in his work *Livewired*, explains the remarkable ability of the human brain to automate frequently performed actions, thereby conserving valuable cognitive resources. A significant portion of daily activities occurs without conscious involvement. Indeed, an over-reliance on conscious thought can reduce efficiency.

The human brain can perform subconscious actions ten times faster than conscious ones, making new and unfamiliar tasks demand significantly more cognitive resources and time compared to those that have been automated through repetition [8].

Jakob's Law states that users predominantly interact with various digital platforms, leading them to prefer design approaches that mirror the functionality of familiar websites. This principle, proposed by Dr. Jakob Nielsen, a prominent advocate for user interests and co-founder of the Nielsen Norman Group alongside Dr. Donald A. Norman, emphasizes the importance of aligning new interfaces with users' existing experiences. Nielsen is credited with pioneering the "discount usability engineering" movement, which promotes the rapid and cost-effective improvement of user interface design and the application of several usability evaluation techniques, including heuristic evaluation.

Jakob Nielsen's usability principle advocates the use of familiar design patterns to enhance the user experience. He posits that users are more inclined to adopt interfaces that function similarly to those they have encountered before. Thus, prioritizing originality may inadvertently diminish the overall usability experience.

Among the ten fundamental interaction design principles developed by Nielsen, general heuristic methods serve as guidelines rather than rigid rules. The principle of consistency and standards, identified as the fourth heuristic, is essential for designing applications that meet user expectations. Users should not have to guess whether different terms, situations, or actions signify the same thing. Adherence to platform and industry conventions is critical [2,5].

Jakob's Law highlights that users primarily interact with digital products other than their own. Their cumulative experience with these alternative

products shapes their expectations and preferences. A lack of consistency can increase users' cognitive load, forcing them to learn new patterns. Since users spend significant time on other platforms, they inherently favor interfaces that operate in ways familiar to them.

When designing interfaces intended for professionals in fields such as science and engineering, it is essential to recognize that these individuals often perform complex tasks requiring heightened focus.

Consequently, interface elements not directly related to core tasks—such as menus, footers, and navigation components—should be designed to be intuitive and positioned in conventional locations. This approach minimizes distractions and enhances users' ability to concentrate on primary tasks [6,7]. Below, Figure 1 illustrates an example of a user interface for professional meteorologists, Snow42.

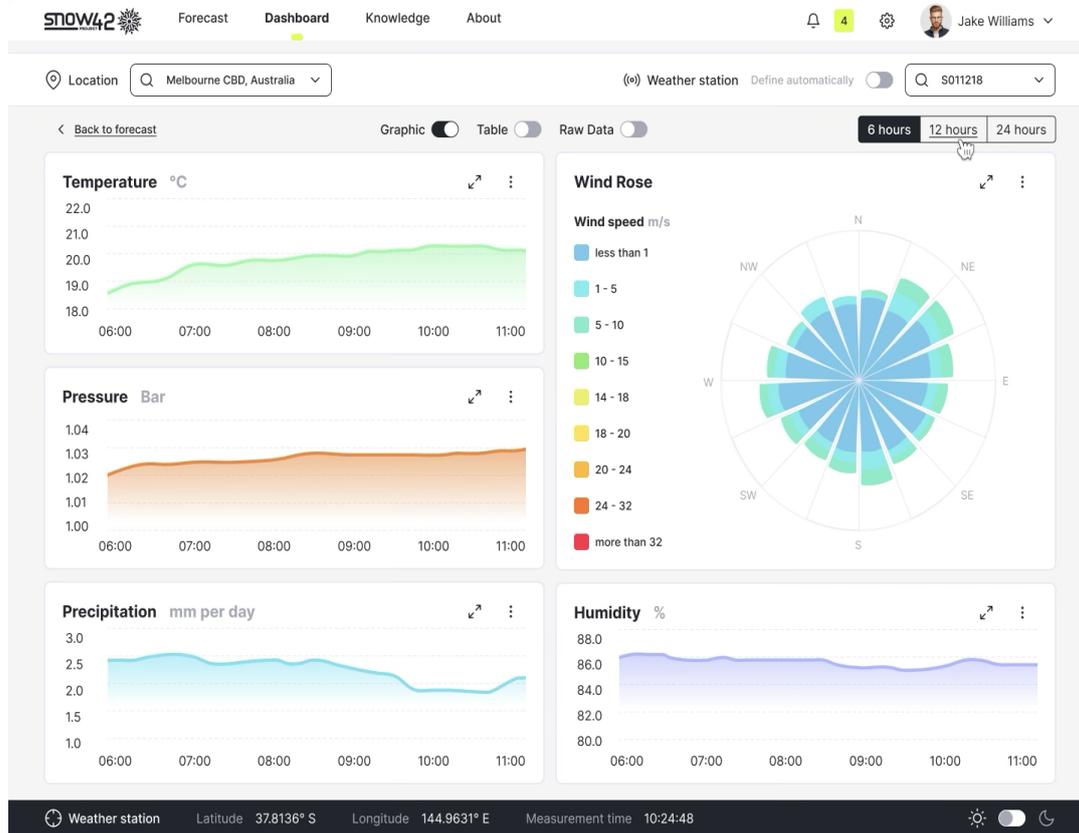

Fig.1. The example of a user interface for professional meteorologists Snow42

While the appeal of novelty in interface design is undeniable, it is essential to consider the cognitive aspects of design choices. Adhering to established heuristics and principles, such as Jakob's Law and the importance of consistency, can significantly enhance user experience and facilitate more effective interactions with digital products.

Additionally, it is critical to recognize that all interface elements designed for professionals should support efficient analysis of the presented information and assist users in decision-making processes.

For instance, the interface shown in Figure 1 employs a color scheme that serves a functional

purpose, enabling easier comparison of the information displayed on the graph with data from the corresponding weather station shown in the table.

At the same time, standard features, such as a header containing user settings and navigation, follow conventional component placements in familiar locations, aligning with the fourth heuristic developed by Dr. Jakob Nielsen [8,9]. Below, Figure 2 demonstrates an example of a user interface for professional meteorologists, Snow42. In this case, the interface facilitates faster information processing by employing a consistent color scheme.

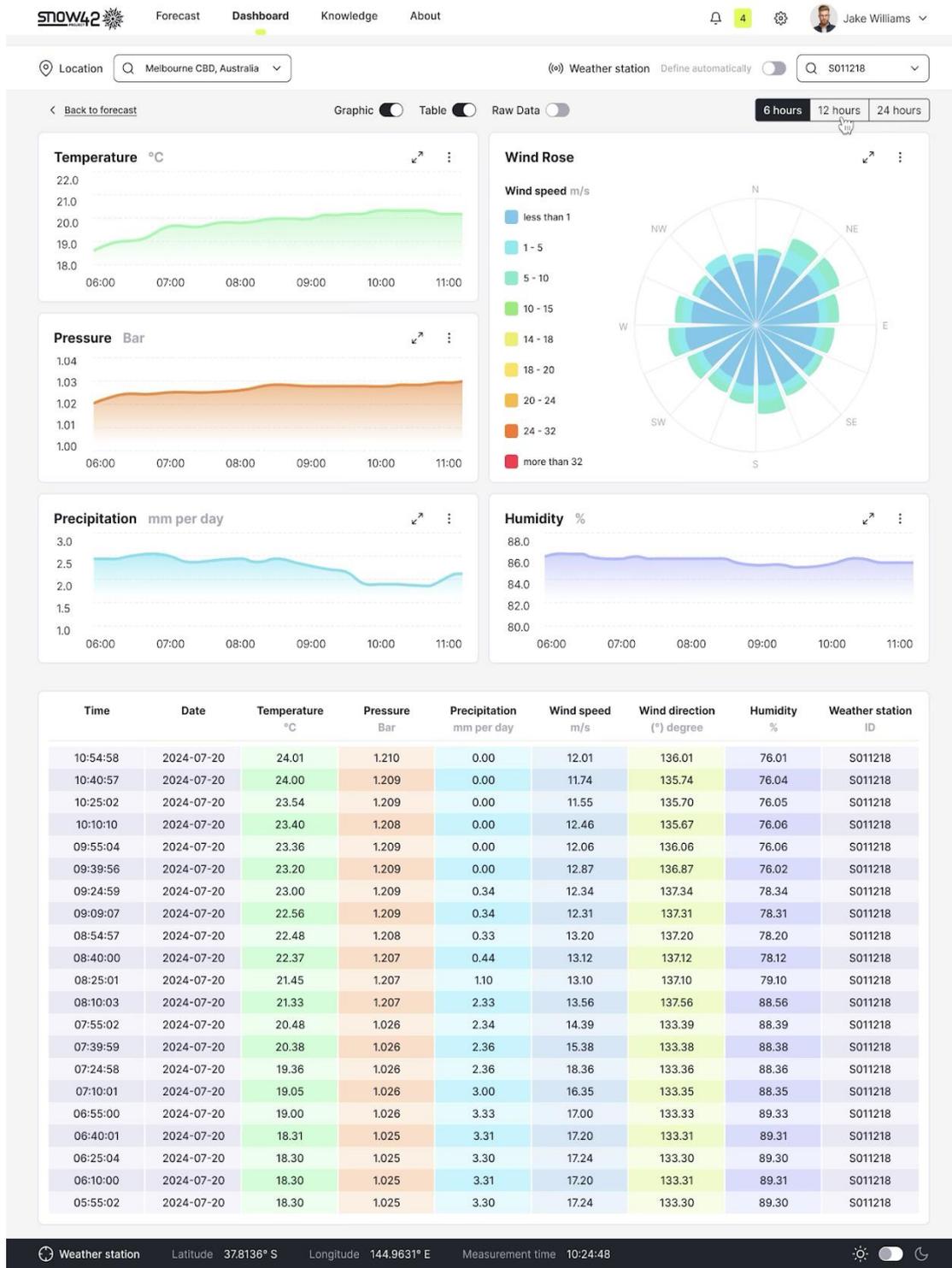

Fig.2. The example of a user interface for professional meteorologists - Snow42. The interface allows faster information processing using a consistent color scheme.

Below, Table 1 outlines the advantages and disadvantages of placing standard interface elements in familiar locations during the design of interfaces for technically complex subject areas.

Table 1

Advantages and disadvantages of placing standard interface elements in familiar locations when designing interfaces for technically complex subject areas

Aspect	Advantages	Disadvantages
Ease of Learning	Users can more quickly become familiar with the interface due to the placement of elements in expected locations.	Experienced users may overlook new features, considering the interface too predictable.
Error Reduction	Users make fewer mistakes as they rely on habits and expect standard behavior.	Non-standard tasks become more challenging to perform within a familiar interface structure.
Speed of Operation	Familiar elements improve the efficiency of routine tasks.	New users may face difficulties due to assumptions about knowing standard icon placements.
Reduced Cognitive Load	The need to learn new interaction patterns is minimized, saving time.	A detailed study of the application's capabilities is required in complex technical systems.
Adherence to Standards	Facilitates integration with other systems and unifies the user experience.	Limits flexibility in creating novel solutions for unique tasks.
Versatility	The interface suits a broad audience, including users with varying levels of expertise.	Does not address the needs of specialized professional groups requiring tailored approaches.
Aesthetics and Intuitiveness	Interfaces appear familiar, making them visually approachable.	Standard designs may appear outdated or uninspiring.

Thus, creating interfaces for technological systems necessitates a comprehensive approach. Only by considering all factors can functionality, usability, and compliance with established standards be achieved.

Conclusion

Placing standard interface elements in familiar zones during the development of systems tailored to specific requirements simplifies interaction and improves workflows. The principles underlying design are based on using proven templates that have demonstrated practical utility. Elements such as text fields, labels, and buttons are systematically positioned within forms or navigation areas. Arranging navigation panels at the top of screens or in left sections facilitates simplified navigation.

References

1. Brovar Yu., Fortin S. Modeling interfaces for the design of layered systems using a matrix substrate to a multi-level design structure //IEEE 2024 International Systems Conference (SysCon). – IEEE, 2024. – pp. 1-8.
2. Wu H. et al. Research on the development of a situational interface layout based on a comprehensive assessment of the importance of nodes //IEEE 2020 International Conference on Industrial Design and Engineering Management (IIEEM). – IEEE, 2020. – pp. 562-566.
3. Timchenko. and others . The attraction of interface elements to the attractiveness of its design //8th IEEE 2021 International Conference on Information Communications, Science and Technology (PIC S&T). – IEEE, 2021. – pp. 57-61.
4. Yang Yu., Xu Z. Analysis and applied research of interface design elements for mobile platforms: modeling in terms of conditions //The 2022 International Conference on Sustainable Computing and Data Transmission Systems (ICSCDS). – IEEE, 2022. – pp. 1439-1442.
5. Zhao Yu. System design of interconnections for users of artificial intelligence interfaces based on UML extension mechanisms // Mobile information systems. – 2022. – T. 2022. – No. 1. – S. 3534167.
6. M., Muller J., Diedrich S. Reducing efforts to configure an energy management system based on the methods of operation of this language and asset management shells //27th IEEE International Conference on New Technologies and Production Automation (ETFA) 2022. – IEEE, 2022. – pp. 1-8.
7. Eagleman D. Livewired: The inside story of the ever-changing brain. – Canongate Books. - 2020.
8. Nielsen, J., & Norman, D. A. Designing User Experience: A Guide to User Experience Design. New Riders.- 2010.
9. Norman D. The design of everyday things: Revised and expanded edition. – Basic books. - 2013.

УДК 821.161.1

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ТЕРАПЕВТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ПОЭЗИИ И MINDFULNESS-ПРАКТИК: ПОИСК ОБЩИХ МЕХАНИЗМОВ ВОЗДЕЙСТВИЯ

Субботина Злата Андреевна
поэтесса
ОАЭ, Дубай

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE THERAPEUTIC POTENTIAL OF POETRY AND MINDFULNESS PRACTICES: SEARCH FOR COMMON MECHANISMS OF IMPACT

Subbotina Zlata Andreevna
poetess,
Dubai

DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2024.2025.6.122.2145

Статья посвящена сравнительному анализу терапевтического потенциала поэзии и mindfulness-практик. В исследовании рассматриваются основные механизмы воздействия обоих методов на психическое состояние человека, такие как фокусировка внимания, эмоциональная регуляция и повышение самоосознания. Автор исследует уже существующие научные работы, посвящённые терапевтическому использованию поэзии и практики осознанности, и выявляет общие элементы в их механизмах воздействия. В статье также рассматриваются специфические особенности каждого метода и их потенциальные преимущества для различных групп людей. Особое внимание уделяется перспективам взаимодействия поэзии и mindfulness в терапевтической практике, предлагаются конкретные примеры практических упражнений, сочетающих оба подхода. Исследование демонстрирует, что и поэзия, и mindfulness способствуют развитию навыков внимания, эмоциональной регуляции и самоосознания, что делает их ценными инструментами для поддержки психического здоровья.

ABSTRACT

The article is devoted to a comparative analysis of the therapeutic potential of poetry and mindfulness practices. The study examines the main mechanisms of the impact of both methods on a person's mental state, such as focusing attention, emotional regulation and increasing self-awareness. The author examines existing research papers on the therapeutic use of poetry and mindfulness practices and identifies common elements in their mechanisms of influence. The article also discusses the specific features of each method and their potential benefits for different groups of people. Particular attention is paid to the prospects for the interaction of poetry and mindfulness in therapeutic practice, and specific examples of practical exercises combining both approaches are offered. The study demonstrates that both poetry and mindfulness promote the development of attention, emotional regulation and self-awareness skills, making them valuable tools for supporting mental health.

Ключевые слова: поэзия, mindfulness, психическое здоровье, эмоциональная регуляция, интегративный подход, комбинированная терапия, немедикаментозные методы.

Keywords: poetry, mindfulness, mental health, emotional regulation, integrative approach, combination therapy, non-medication methods.

В последнее время заметно возрос интерес к немедикаментозным способам поддержания и восстановления психического здоровья. Это связано с поиском более доступных и индивидуальных подходов к терапии. Среди таких методов особое внимание привлекают практики осознанности (mindfulness) и терапевтическое использование поэзии, демонстрирующие потенциал в снижении стресса, улучшении эмоциональной регуляции и повышении самосознания. Многочисленные исследования доказали эффективность каждого из этих методов по отдельности. Однако сравнительный анализ их влияния и выявление общих механизмов, которые лежат в основе их терапевтического эффекта, остаются недостаточно изученными. Именно этот **научный пробел** определяет **актуальность** данного исследования, направленного на более глубокое понимание терапевтических возможностей поэзии и mindfulness.

Согласно исследованиям, поэзия играет важную роль в эмоциональной регуляции. Она способствует катарсису, помогает переосмыслить опыт и способствует развитию эмоционального интеллекта. Чтение и создание поэтических текстов стимулирует когнитивные функции, такие как воображение, метафорическое мышление и когнитивная гибкость. Кроме того, поэзия выполняет важную социальную функцию, способствуя формированию чувства принадлежности и развитию эмпатии. Практики mindfulness, в свою очередь, основываются на принципах намеренного внимания к настоящему моменту, принятия без суждений и сострадания. Исследования также демонстрируют эффективность mindfulness в снижении уровня стресса и тревожности, улучшении эмоциональной регуляции и развитии метакогнитивных навыков, таких как осознание собственных мыслительных процессов.

Предполагается, что, несмотря на различия в формате и способах применения, поэзия и mindfulness опираются на общие психологические механизмы, обеспечивающие их терапевтический эффект. **Целью** данного исследования является выявление и анализ этих общих механизмов, включая фокусировку внимания, эмоциональную регуляцию и повышение самоосознания. Сравнительный анализ позволит более точно определить специфику воздействия каждого метода, а также выявить потенциал для их взаимного использования в терапевтической практике.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд **задач**, включающих: 1) детальное описание терапевтических эффектов поэзии и mindfulness, 2) выделение ключевых механизмов воздействия каждого метода и 3) их последующее сравнение с целью выявления общих черт. Важным этапом исследования станет обсуждение перспектив интеграции поэзии и mindfulness в терапевтической практике, включая разработку комбинированных подходов и оценку их потенциальной эффективности.

В качестве **методологии** исследования будет использован метод сравнительного анализа литературных источников, посвященных терапевтическому применению поэзии и mindfulness. Будет проведен систематический обзор научных публикаций, включающий эмпирические исследования, мета-анализы и теоретические работы, освещающие механизмы воздействия поэзии и mindfulness на психическое состояние человека. Особое внимание будет уделено исследованиям, фокусирующимся на таких аспектах, как внимание, эмоциональная регуляция, самоосознание, когнитивная гибкость и стрессоустойчивость. Кроме того, будут проанализированы существующие практические руководства по использованию поэзии и mindfulness в терапии. Для систематизации и сравнения данных будет разработана таблица, позволяющая выявить общие и отличительные черты механизмов воздействия исследуемых методов. Что касается **материалов** исследования, то для более глубокого понимания терапевтического потенциала поэзии будут рассмотрены различные формы ее использования, включая чтение, написание и анализ поэтических текстов, а также участие в поэтических терапевтических группах. При анализе mindfulness будут учтены различные виды практик осознанности, такие как медитация внимательности, сканирование тела, осознанное дыхание и йога.

Теоретическая значимость данного исследования заключается в том, что оно предлагает комплексный подход к пониманию терапевтических возможностей немедикаментозных методов, направленных на улучшение психического здоровья. Выявление общих механизмов, лежащих в основе воздействия поэзии и практики осознанности, открывает новые

горизонты для разработки комбинированных терапевтических программ, которые смогут объединить сильные стороны обоих подходов. Это исследование также способствует более глубокому осмыслению взаимосвязи между когнитивными, эмоциональными и поведенческими процессами, а также роли творчества и осознанности в поддержании психического благополучия. Результаты могут быть использованы для создания новых моделей терапевтического воздействия, которые будут учитывать индивидуальные потребности пациентов.

Практическая значимость исследования заключается в разработке рекомендаций по внедрению поэзии и практики осознанности в различные формы психотерапии. Выявленные общие механизмы воздействия могут быть использованы для создания более эффективных терапевтических подходов, направленных на улучшение эмоциональной регуляции, повышение самоосознания и укрепление устойчивости к стрессу. Результаты исследования могут быть полезны для клинических психологов, психотерапевтов, социальных работников и специалистов в области образования и здравоохранения, которые работают с людьми, испытывающими психологические трудности. Они помогут создать более целостные и эффективные стратегии поддержки, которые будут способствовать улучшению качества жизни.

Основное содержание исследования

1. Терапевтический потенциал поэзии

Поэзия, с древнейших времен занимающая особое место в культуре человечества, представляет собой не только форму художественного самовыражения, но и мощный инструмент терапевтического воздействия. Ее способность выражать глубокие эмоции, переживать сложный опыт и находить смысл в происходящем делает ее ценным ресурсом для поддержания и восстановления психического здоровья. Способность поэзии «чинить раны словами» [4] отмечается многими исследователями, подтверждая ее терапевтический потенциал и выделяя ее влияние на эмоциональную, когнитивную и социальную сферы человека [1; 3; 5]. В первом разделе мы подробно рассмотрим, как поэзия может оказывать терапевтическое воздействие на эмоциональную сферу, способствовать когнитивному развитию и укреплению социальных связей.

Одним из ключевых терапевтических механизмов поэзии является ее способность служить инструментом эмоциональной регуляции. Через поэтическое творчество или восприятие поэтических произведений человек может переживать катарсис, освобождаясь от подавляемых эмоций, таких как гнев, страх, печаль [6; 7]. Процесс выражения эмоционального опыта в поэтической форме способствует его осознанию и принятию [8], снижая эмоциональное напряжение и предотвращая развитие деструктивных способов его освобождения. Поэзия также помогает

переосмыслить травматический или сложный жизненный опыт [9], найти в нем смысл [10] и интегрировать его в свою жизненную историю [11]. Этот процесс способствует развитию эмоциональной устойчивости и повышает способность справляться со стрессом.

Помимо эмоциональной сферы, поэзия оказывает положительное влияние на когнитивные функции. Чтение и создание поэтических текстов стимулирует воображение и креативность [5], расширяя границы восприятия и позволяя взглянуть на мир под новым углом. Метафорический язык поэзии тренирует метафорическое мышление [8], способствуя развитию когнитивной гибкости и умения находить нестандартные решения. Работа с ритмом, рифмой и другими элементами поэтической формы требует концентрации внимания и также развивает когнитивные способности.

Важным аспектом терапевтического воздействия поэзии является ее социальная функция. Участие в поэтических группах, обсуждение стихотворений, совместное творчество создают чувство принадлежности и общности [9], что особенно важно для людей, испытывающих социальную изоляцию, одиночество. Поэзия способствует развитию эмпатии и понимания других, позволяя взглянуть на мир глазами другого человека и прочувствовать его эмоции. Обмен поэтическими произведениями может служить основой для диалога и самораскрытия, способствуя укреплению межличностных связей.

Таким образом, поэзия обладает многогранным терапевтическим потенциалом, воздействуя на эмоциональную, когнитивную и социальную сферы человека. Ее способность выражать эмоции, переосмысливать опыт, развивать воображение и создавать связь с другими людьми делает ее ценным инструментом для поддержки психического здоровья и преодоления жизненных трудностей. В следующем разделе будет рассмотрен терапевтический потенциал mindfulness-практик, охватывая их основные принципы, влияние на эмоциональную сферу и когнитивные эффекты.

2. Терапевтический потенциал mindfulness-практик

Mindfulness, или практика осознанности, представляет собой набор методов, направленных на развитие способности присутствовать в настоящем моменте без осуждения себя [12]. В основе mindfulness лежат буддийские медитативные традиции, однако в современном мире он широко применяется как светский метод поддержки психического здоровья и повышения качества жизни [13]. Основополагающими принципами mindfulness являются намеренное внимание к настоящему моменту, принятие реальности без суждений, сострадание к себе и другим [12; 13]. Намеренное внимание подразумевает фокусировку сознания на текущем опыте — телесных ощущениях, мыслях, эмоциях — без попыток изменить или контролировать его.

Принятие без суждений означает отказ от оценки собственного опыта как «хорошего» или «плохого», а просто наблюдение за ним с позиции нейтрального свидетеля. Сострадание к себе и другим подразумевает искреннее и полное понимание отношение к собственному опыту и опыту окружающих, а также осознание нашей общей человеческой уязвимости.

Влияние mindfulness на эмоциональную сферу проявляется в снижении уровня стресса и тревожности [13], улучшении эмоциональной регуляции и развитии эмоциональной устойчивости [12]. Регулярная практика mindfulness помогает создать дистанцию между человеком и его эмоциями, позволяя ему осознавать их, не погружаясь в них. Это способствует более эффективному управлению эмоциями и снижению их негативного воздействия. Развитие эмоциональной устойчивости позволяет более адаптивно реагировать на стрессовые ситуации и быстрее восстанавливаться после них. Включение физической активности в практику осознанности может усилить положительное влияние на психическое здоровье [14].

Mindfulness также оказывает положительное влияние на когнитивные функции [12; 14]. Регулярная практика осознанности повышает концентрацию внимания, улучшает рабочую память и способствует развитию метакогнитивных навыков. Метакогнитивные навыки включают в себя осознание собственных мыслительных процессов, способность отслеживать и контролировать свое внимание, а также гибкость мышления. Эти навыки играют важную роль в решении проблем, принятии решений и обучении.

В завершение, следует отметить, что mindfulness-практики представляют собой эффективный инструмент для поддержки психического здоровья и повышения качества жизни [12; 13]. Развитие навыков намеренного внимания, принятия без суждений и сострадания способствует снижению стресса, улучшению эмоциональной регуляции и развитию когнитивных функций. Эффективность приложений для осознанности при симптомах депрессии и тревоги [13] также подтверждает терапевтический потенциал mindfulness. В следующем разделе будет проведен сравнительный анализ механизмов воздействия поэзии и mindfulness-практик, чтобы выявить общие черты и потенциал их совместного использования в терапевтической практике.

Результаты исследования и их обсуждение **3. Сравнительный анализ механизмов воздействия поэзии и mindfulness**

Третий раздел посвящен сравнению механизмов воздействия поэзии и mindfulness-практик на психическое состояние человека. Несмотря на различия в форме и методах применения, оба подхода демонстрируют схожие терапевтические эффекты, основанные на работе с вниманием, эмоциональной сферой и самосознанием [3; 5]. Сравнительный анализ

позволит выявить общие механизмы, лежащие в основе их терапевтического потенциала, а также обозначить специфику каждого метода.

Одним из ключевых аспектов как поэзии, так и *mindfulness*, является фокусировка внимания [1; 11]. Чтение и создание поэзии можно рассматривать как своеобразную форму медитации на языке и образах [6]. Погружение в поэтический текст требует сосредоточения на ритме, рифе, метафорах [5], а также на эмоциональном и смысловом содержании стихотворения. Этот процесс способствует развитию навыка удержания внимания и повышает осознанность восприятия. *Mindfulness*, в свою очередь, представляет собой систематическую тренировку внимания [3], направленную на наблюдение за текущим опытом без оценок и суждений. Хотя оба подхода способствуют развитию внимания, существуют и различия в их фокусе. Поэзия часто направляет внимание вовнутрь, на исследование собственных мыслей, чувств и переживаний [7], в то время как *mindfulness* может быть направлен как вовнутрь, так и вовне, на восприятие окружающего мира. Кроме того, поэзия часто использует приёмы повествования и интерпретации жизненного опыта [10], тогда как *mindfulness* стремится к непосредственному восприятию без них.

Еще одним общим механизмом воздействия поэзии и *mindfulness* является эмоциональная регуляция [2; 5]. Поэзия служит эффективным

инструментом для выражения и обработки эмоций [4; 8] — через поэтическое творчество человек может осознать и принять сложные эмоции [9], найти для них адекватную форму выражения [7] и снизить их интенсивность. *Mindfulness* же способствует развитию эмоциональной осознанности и принятия [1; 11] через наблюдение за возникающими эмоциями без стремления изменить или подавить их.

Эффективность поэзии и практики осознанности в управлении различными эмоциональными состояниями может различаться. Поэзия, например, может быть особенно полезна для выражения и проработки глубоких, сложных эмоций, связанных с травматическим опытом [6] или личностными кризисами. *Mindfulness*, в свою очередь, может быть более эффективен для управления хроническим стрессом и тревогой, а также для развития эмоциональной стабильности [12]. Тем не менее, и поэзия, и *mindfulness* способствуют повышению самоосознания. Поэзия, через рефлексию и метафоры [8], помогает человеку глубже понять себя, свои ценности, мотивации и стремления. *Mindfulness* же развивает самоосознание [11] через наблюдение за собственными мыслями, чувствами и телесными ощущениями. Этот процесс помогает осознать привычные модели мышления и поведения, а также углубить понимание своей внутренней реальности.

Таблица 1.

Сравнительный анализ механизмов воздействия поэзии и *mindfulness*.

Аспект	Поэзия	Mindfulness	Общие черты	Отличия
Фокусировка внимания	Медитация на языке и образах. Фокус на ритме, рифме, метафорах, эмоциональном и смысловом содержании текста.	Систематическая тренировка внимания на текущем опыте без оценок и суждений.	Развитие навыка удержания внимания. Повышение осознанности восприятия.	Поэзия — преимущественно внутренний фокус, работа с нарративом и интерпретацией опыта. <i>Mindfulness</i> — внутренний и внешний фокус, стремление к непосредственному у восприятию без интерпретаций.
Эмоциональная регуляция	Выражение и обработка эмоций через творчество. Осознание, принятие и снижение интенсивности сложных эмоций.	Развитие эмоциональной осознанности и принятия через наблюдение за эмоциями без стремления их изменить.	Способствуют осознанию и принятию эмоций.	Поэзия — активная работа с эмоциями через их вербализацию и метафорическое выражение. <i>Mindfulness</i> — пассивное наблюдение за эмоциями с принятием.

Повышение самоосознания	Самопознание через рефлексию и метафоры. Понимание собственных ценностей, мотиваций и стремлений.	Осознание своих мыслей, чувств и телесных ощущений. Осознание автоматических паттернов мышления и поведения.	Развитие навыка наблюдения за внутренним миром. Способность к рефлексии и анализу собственного опыта. Развитие метакогнитивных навыков.	Поэзия — фокус на смыслообразовании и интерпретации опыта. Mindfulness — фокус на непосредственном опыте без интерпретаций.
Когнитивные эффекты	Стимуляция воображения, развитие метафорического и ассоциативного мышления, повышение когнитивной гибкости.	Повышение концентрации внимания, улучшение рабочей памяти, развитие метакогнитивных навыков.	Развитие когнитивных способностей.	Поэзия — акцент на творческих и ассоциативных процессах. Mindfulness — акцент на концентрации и осознанности мыслительных процессов.
Социальные аспекты	Создание чувства принадлежности и общности (в групповой работе), развитие эмпатии и понимания других.	Развитие сострадания к себе и другим, улучшение коммуникации (в групповой работе).	Потенциал для улучшения социальных навыков.	Поэзия — акцент на общении через язык и образы. Mindfulness — акцент на развитии эмпатии и сострадания через непосредственное восприятие.

Источник: составлено автором в ходе исследования

Общие механизмы развития самоосознания в поэзии и mindfulness включают в себя развитие навыка наблюдения за собственным внутренним миром, а также способность к рефлексии и анализу собственного опыта. Оба подхода способствуют развитию метакогнитивных навыков, позволяющих осознавать и контролировать собственные мыслительные процессы. В заключение, следует отметить, что поэзия и mindfulness, несмотря на различия в форме и методах, опираются на схожие психологические механизмы, способствующие развитию внимания, эмоциональной регуляции и самоосознания. Понимание этих общих механизмов открывает перспективы для интеграции поэзии и mindfulness в терапевтической практике, что будет рассмотрено в следующем разделе.

4. Перспективы интеграции поэзии и mindfulness в терапевтической практике

Интеграция поэзии и mindfulness в терапевтической практике представляет собой перспективное направление, позволяющее

использовать синергетический потенциал обоих методов для достижения более глубоких и устойчивых результатов. Сочетание этих подходов открывает новые возможности для работы с эмоциональными трудностями, развития самосознания и повышения психологической устойчивости.

Комбинированные терапевтические подходы, сочетающие поэзию и mindfulness, могут включать в себя различные элементы обоих методов. Например, можно использовать чтение поэзии в сочетании с практиками осознанного дыхания и телесного сканирования для углубления эмоционального переживания и повышения осознанности телесных ощущений. Также можно предложить пациентам написать стихотворение после медитации mindfulness, чтобы помочь им выразить свои мысли и чувства, возникшие в процессе практики. В таблице 2 более подробно приведем примеры практических упражнений, интегрирующих поэзию и mindfulness:

Таблица 2.

Примеры практических упражнений, интегрирующих поэзию и mindfulness

№	Упражнение	Описание	Цель
1	Осознанное чтение поэзии	Медленное, вдумчивое чтение стихотворения с фокусировкой на звучании слов, ритме, образах и возникающих эмоциях и телесных ощущениях. Пауза после каждой строки или строфы для осознания своего внутреннего состояния.	Углубление эмоционального переживания, развитие навыка присутствия в настоящем моменте, повышение чувствительности к языку и образам.
2	Написание поэзии после практики mindfulness	После сессии медитации mindfulness предложить написать стихотворение, отражающее мысли, чувства, образы или ощущения, возникшие во время практики.	Развитие самоосознания, интеграция опыта mindfulness, творческое самовыражение.
3	Поэтическая медитация	Выбор строки или фразы из стихотворения, которая резонирует с внутренним состоянием. Медленное повторение этой строки в течение нескольких минут, фокусируясь на ее звучании и смысле, наблюдая за возникающими мыслями, чувствами и ощущениями.	Углубление концентрации внимания, работа с эмоциональными состояниями, развитие самосознания.
4	Исследование эмоций через метафоры	Выбрать стихотворение, в котором описывается эмоциональное состояние, схожее с тем, что испытывает клиент. Обсудить использованные в стихотворении метафоры и их связь с личным опытом клиента. Предложить клиенту создать собственные метафоры для описания своих эмоций.	Развитие эмоционального интеллекта, расширение словарного запаса для описания эмоций, творческое самовыражение.
5	Поэтические мантры	Создание коротких поэтических фраз или строк, которые отражают желаемое состояние или намерение (например, «Я спокоен (на) и уверен (а) в себе», «Я открыт новому опыту»). Повторение этих мантр в течение дня в моменты стресса или для поддержания осознанности.	Развитие позитивного мышления, управление стрессом, поддержание осознанности в повседневной жизни.
6	Mindful прогулка с поэзией	Прогулка на природе с фокусировкой на окружающих звуках, запахах, визуальных образах. После прогулки написать стихотворение, отражающее полученный опыт. Можно также взять с собой сборник стихов и читать их во время прогулки, делая паузы для осознанного восприятия окружающей среды.	Снятие стресса, соединение с природой, развитие творческого потенциала, интеграция внутреннего и внешнего опыта.
7	Создание совместного стихотворения в группе	В групповой терапии предложить участникам создать стихотворение вместе, последовательно добавляя строки или фразы, основываясь на своем текущем состоянии и ассоциациях. Перед началом упражнения можно	Развитие групповой сплоченности, творческое самовыражение, практика активного слушания и эмпатии.

		провести короткую медитацию mindfulness.	
--	--	--	--

Источник: составлено автором в ходе исследования

Комбинированный подход может принести значительную пользу разным категориям пациентов (Таблица 3). Например, для пациентов с тревожными расстройствами сочетание поэзии и mindfulness может помочь снизить уровень тревоги [12], улучшить эмоциональную регуляцию и развить навыки самоуспокоения [5]. Для пациентов с депрессией комбинированный подход может способствовать повышению настроения, восстановлению чувства смысла жизни [10] и

укреплению самооценки. Для пациентов, переживших травматический опыт [7], интеграция поэзии и mindfulness может быть особенно полезна для обработки травмы, снижения симптомов ПТСР [11] и восстановления чувства безопасности. Поэзия предоставляет возможность выразить невыразимое [4], а mindfulness помогает развить навыки регуляции эмоций [11] и преодолеть навязчивые воспоминания.

Таблица 3.

Потенциальные преимущества комбинированного подхода — поэзия и mindfulness — для различных групп пациентов.

Группа пациентов	Преимущества комбинированного подхода	Механизмы воздействия
Пациенты с тревожными расстройствами	Снижение уровня тревоги, улучшение эмоциональной регуляции, развитие навыков самоуспокоения, повышение самооценки, снижение уровня стресса.	Mindfulness способствует снижению физиологической активации, характерной для тревоги, а поэзия предоставляет безопасный способ выражения и проработки тревожных мыслей и чувств.
Пациенты с депрессией	Повышение настроения, восстановление чувства смысла жизни, укрепление самооценки, развитие самосострадания, повышение мотивации.	Поэзия помогает выразить чувства печали, безнадежности и одиночества, а mindfulness способствует развитию принятия и снижению самокритики.
Пациенты, пережившие травматический опыт	Обработка травмы, снижение симптомов ПТСР, восстановление чувства безопасности, развитие навыков регуляции эмоций, интеграция травматического опыта.	Поэзия предоставляет возможность выразить невыразимое, дать голос травматическим воспоминаниям, а mindfulness помогает развить навыки регуляции эмоций и справиться с интрузивными воспоминаниями и флэшбеками.
Пациенты с расстройствами пищевого поведения	Развитие осознанного отношения к телу и пищевому поведению, снижение тревожности, связанной с едой, повышение самооценки.	Mindfulness помогает развивать осознанность телесных ощущений и эмоций, связанных с приемом пищи, а поэзия позволяет исследовать и выразить сложные чувства и отношения с телом.
Пациенты с хронической болью	Снижение интенсивности боли, улучшение качества жизни, развитие стратегий совладания с болью.	Mindfulness помогает развить навык несудительного наблюдения за болью, снижая эмоциональное страдание, связанное с ней, а поэзия позволяет выразить опыт жизни с болью и найти в нем смысл.
Пациенты с онкологическими заболеваниями	Снижение тревоги и депрессии, повышение качества жизни, развитие принятия и надежды.	Mindfulness помогает справиться со стрессом, связанным с диагнозом и лечением, а поэзия предоставляет возможность выразить сложные эмоции и найти смысл в своем опыте.

Источник: составлено автором в ходе исследования

В целом, интеграция поэзии и mindfulness в терапевтической практике представляет собой многообещающее направление, открывающее новые возможности для помощи людям, страдающим от различных психологических проблем. Сочетание этих двух инструментов позволяет достичь более глубокого и целостного терапевтического эффекта, способствуя восстановлению психического здоровья и повышению качества жизни. При этом важно помнить, что эффективность этого подхода может варьироваться в зависимости от индивидуальных особенностей пациента и тяжести его состояния.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить существенный терапевтический потенциал как поэзии, так и mindfulness-практик. Было установлено, что оба метода, несмотря на различия в форме и способах применения, опираются на ряд общих психологических механизмов, включающих фокусировку внимания, эмоциональную регуляцию и повышение самоосознания. Поэзия, через работу с языком, образами и метафорами, способствует освобождению от подавляемых эмоций, переосмыслению жизненного опыта и развитию эмпатии. Mindfulness, в свою очередь, через практику несудительного присутствия в настоящем моменте, способствует снижению стресса, развитию эмоциональной регуляции и углублению самопонимания. Выявленные сходства в механизмах воздействия подтверждают гипотезу о существовании общей основы для терапевтической эффективности обоих подходов.

Сравнительный анализ также позволил определить специфические особенности каждого метода. В частности, поэзия активизирует творческий потенциал, способствует развитию метафорического мышления и обогащает эмоциональный словарь. Mindfulness же делает акцент на развитии навыков наблюдения за внутренним опытом, принятии без суждений и развитии самосострадания. Глубокое понимание как общих черт, так и уникальных особенностей поэзии и практики осознанности открывает двери к их гармоничному сочетанию в терапевтической среде. Это позволяет разрабатывать более гибкие и действенные программы психологической помощи, которые будут отвечать индивидуальным нуждам каждого клиента.

В рамках исследования были предложены конкретные примеры практических упражнений, демонстрирующие возможности интеграции поэзии и mindfulness. Эти упражнения могут быть использованы в индивидуальной и групповой терапии для работы с широким спектром психологических проблем, включая тревожные расстройства, депрессию, посттравматическое стрессовое расстройство, расстройство пищевого поведения и хроническую боль. Представленные рекомендации могут быть полезны для клинических психологов, психотерапевтов, социальных работников, а также для специалистов в области образования и здравоохранения.

Несмотря на полученные результаты, необходимо признать ограничения данного исследования, связанные прежде всего с его теоретическим характером. Чтобы лучше понять, насколько эффективен комбинированный подход, необходимо провести дополнительные научные исследования. Они должны включать разработку и тестирование специализированных терапевтических программ, которые объединяют поэзию и mindfulness. Также стоит обратить внимание на изучение нейробиологических механизмов, которые обеспечивают терапевтический эффект при использовании интегративного подхода.

Список использованной литературы:

1. Пуговкина О.Д. Mindfulness-based cognitive therapy: когнитивная психотерапия, основанная на осознанности в лечении хронической депрессии / О.Д. Пуговкина // Современная терапия психических расстройств, 2014. — № 2. — С. 26-31. [Электронный ресурс]. — URL: <https://ctmd.psypharma.ru/index.php/ctmd/article/download/302/289/341> (дата обращения 31.01.2025)
2. Пуговкина О.Д. Условия и контртерапевтические факторы развития саморегуляции при хронических депрессиях / О.Д. Пуговкина [Электронный ресурс]. — URL: <https://risr.institute/uploads/risr/Pugovkina.pdf> (дата обращения 31.01.2025)
3. Пуговкина О.Д. Концепция mindfulness (осознанность): неспецифический фактор психологического благополучия / О.Д. Пуговкина, З.Н. Шильникова // Современная зарубежная психология, 2014. — № 2. — С. 18-28. [Электронный ресурс]. — URL: https://psyjournals.ru/journals/jmfp/archive/2014_n2/jmfp_2014_n2_70100.pdf (дата обращения 31.01.2025)
4. Pooran C. Mending wounds with words: The therapeutic nature of poetry / C. Pooran, P. Verma // International Journal of Research in English, 2024. — № 6 (2). — С. 118-123.
5. Alfrey A. Identifying the mechanisms of poetry therapy and associated effects on participants: A synthesised review of empirical literature / A. Alfrey, V. Field, I. Xenophontes, S. Holtum // The Arts in Psychotherapy, 2021. — № 75. — DOI: 75 (2021): 101832.
6. Kahmi K. Advances in poetry therapy / K. Kahmi // Scriptum: Creative Writing Research Journal, 2022. — № 2 (4). — С. 30-43. [Электронный ресурс]. — URL: <https://jyx.jyu.fi/handle/123456789/82211> (дата обращения 31.01.2025)
7. Naz I. Effectiveness of Poetry Therapy on the clients of Post-Traumatic Stress Disorder / I. Naz, S. M. Khan, I. Shahzadi, A. N. Nazar // Pakistan Journal of Humanities and Social Sciences, 2024. — № 12 (2). — С. 2157-2164.
8. Maanmieli K. Therapeutic metaphors and personal meanings in group poetry therapy for people with schizophrenia / K. Maanmieli, I. Juhani // Journal of Poetry Therapy, 2021. — № 34 (4). — С. 213-222.

9. Nyfors M. Writing connections as a source of significance: group poetry therapy among patients with advanced cancer / M. Nyfors, R. Poyhia, A. R. Vehvilainen, A. Lamminmaki // *Journal of Poetry Therapy*, 2024. — № 1 (13).

10. Matalon E. The therapeutic and scientific benefits of psychological poetry: a two-step study / E. Matalon // *Journal of Poetry Therapy*, 2024. — № 37 (3) — С. 185-197.

11. Rolfs A. M. Needed words: poetry therapy and the circle of hope / A. M. Rolfs // *Journal of Poetry Therapy*, 2023 — № 36 (1) — С. 1-18.

12. Allen N. B. Academic Mindfulness Interest Group. Mindfulness-based psychotherapies: A review of conceptual foundations, empirical evidence and practical considerations / N. B. Allen, R. Chambers, W. Knight // *Australian & New Zealand Journal of Psychiatry*, 2006. — № 40 (4) — С. 285-294.

13. Linardon J. The efficacy of mindfulness apps on symptoms of depression and anxiety: An updated meta-analysis of randomized controlled trials / J. Linardon, M. Messer, S. B. Goldberg, M. Fuller-Tyszkiewicz // *Clinical Psychology Review*, 2024. — № 107. [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0272735823001289> (дата обращения 31.01.2025)

14. Remskar M. Effects of combining physical activity with mindfulness on mental health and wellbeing: Systematic review of complex interventions / M. Remskar, M. J. Western, E. L Osborne, O. M. Maynard, B. Ainsworth // *Mental health and physical activity*, 2024. — № 26. [Электронный ресурс]. — URL:

<https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S175529662300073X> (дата обращения 31.01.2025)

ФИЛОСОФСКОЕ СОЗНАНИЕ, ВОПЛОЩЕННОЕ В ФОРМАХ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА В КУЛЬТУРЕ ОРОЧОНОВ

*Фу Чжунфэн**

*Аспирант ФГБОУ ВО «Забайкальский университет»,
г. Чита*

DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2024.2025.6.122.2146

АННОТАЦИЯ

Орочоны — это этническое меньшинство с долгой историей изменений и уникальной культурой. Их изобразительное искусство, как важная часть национальной культуры, содержит глубокое философское сознание. В данной статье анализируются наскальные рисунки, изделия из бересты и узоры на одежде в культуре орочонов, раскрывается содержание их художественных форм и объясняется философская сущность, заложенная в их изобразительном сознании. Цель работы — описать философское сознание и его особенности, воплощенные в национальной культуре орочонов.

Ключевые слова: орочоны; национальная культура; формы изобразительного искусства; философское сознание.

I. Введение

Поскольку материальные артефакты являются наиболее стабильным объектом, в знаково-символической форме сохранявшим смысловое содержание.^[1] Орочоны являются одним из малочисленных народов Китая, проживающим преимущественно в районе Большого и Малого Хингана на границе Автономного района Внутренняя Монголия и провинции Хэйлуцзян, особенно в Орочонском автономном хошуне городского округа Хулун-Буир Автономного района Внутренняя Монголия.^[2] Орочоны обладают уникальной и богатой национальной культурой и изобразительным искусством. Эти художественные формы не только демонстрируют мастерство народа, но и воплощают глубокую культурную основу и философское сознание орочонов. В древности китайцы обладали представлениями о

«гармонии неба и земли» и долгосрочно накопленным социальным эстетическим сознанием. Через эти художественные формы мы можем увидеть благоговение орочонов перед природой, их глубокую любовь к жизни и уникальное понимание общества.^[3] Суть философского сознания орочонов заключается, на наш взгляд, в преклонении орочонов перед природой, обусловленную пониманием неотъемлемости их существования от природного социума.

II. Обзор содержания изобразительного искусства в культуре орочонов

Изобразительное искусство орочонов отличается разнообразием форм и охватывает все аспекты их жизни, включая одежду, пищу, жилище и транспорт. Оно включает такие направления, как наскальные рисунки, берестяные изделия, изделия

* Фу Чжунфэн — аспирант по культурологии, профессор Института изобразительного искусства и дизайна Хэйхэского университета. e-mail: fzfart@vip.qq.com

[1] Хингеева Л.М. Элементы шаманского костюма в контексте культурно-исторической эволюции бурятского и монгольского народов // *Человек и культура*. 2023. № 1. С. 67-81. DOI: 10.25136/2409-8744.2023.1.37523 EDN: HDNZNN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37523

[2] Хай Жи, Чжу Линь. Обзор исследований орочонов в Китае // *Журнал Харбинской партийной школы*. — 2012. — № 3 (81). — С. 91. — ISSN 1008-8520(2012)03-0091-04.

[3] Ци Чжоу, Ци Цуньэнь. Китайская «красота»: философские основы искусства национального костюма Китая // *Декоративное искусство*. — 2007. — № 175. — DOI: 10.16272/i.cnki.cn11-1392/i.2007.11.037. — CNKI: SUN: ZSHI.0.2007-11-027.

из кожи животных, резьбу по дереву, архитектуру и традиционную одежду. В данной статье анализируются только наскальные рисунки, берестяные изделия и традиционная одежда, чтобы выявить следы культурного содержания орочонов — отражение идеи «поклонения природе и одушевленности природы».

Северные тунгусские народы культурно объединены шаманизмом, который существует с древних времен до наших дней. В рамках

шаманского мировоззрения, основанного на анимизме, всё обладает жизнью и управляется духами. Это включает такие ритуалы, как весенние и осенние жертвоприношения, ритуалы поклонения богу солнца, богу луны, созвездию Большой Медведицы, богу ветра, богу воды, богу реки, богу огня, богу гор, ритуалы похорон медведя, поклонения предкам, вызова душ, обряды перехода в мир духов, гадания, молитвы о деторождении и шаманские ритуалы исцеления.[4]

Рисунок 1

В древних культурных следах орочонов, представленных наскальными рисунками, можно увидеть сцены охоты, ритуалы жертвоприношений, а также различные таинственные символы и образы. Например, на рисунке «Цзяолаохэдао» (Рисунок 1)^[5] изображены сцены, которые считаются одним из первоначальных прообразов изобразительного искусства орочонов. Эти рисунки явно отражают культурное содержание, связанное с благоговением орочонов перед природой.

Сопровождая жизнь орочонов из поколения в поколение в естественной среде, береза стала неотъемлемым и важным материалом в их повседневной жизни. От небольших контейнеров и инструментов для труда до жилищ и лодок — всё связано с изделиями из бересты. На этих берестяных изделиях, таких как различные сосуды, коробки, бочки, лодки и дома, вырезаны изящные изображения животных, растений и упрощенные геометрические узоры, символизирующие природные явления. Их линии плавные, а формы просты и архаичны. В своих художественных формах орочоны используют образы и элементы природы, упрощая, преувеличивая и трансформируя их, что глубоко отражает их культурное содержание.

Одежда орочонов, как важная часть их национальной культуры, отличается уникальными художественными формами. На кожаных изделиях они вышивают узоры цветными нитями или вырезают различные орнаменты, которые затем пришивают к коже, создавая изысканные декоративные элементы и узоры. Например, одежда из кожи животных демонстрирует

уникальный стиль украшения благодаря искусному крою и соединению деталей. На воротниках, манжетах и подолах вышивают или инкрустируют узоры, такие как геометрические фигуры и спирали, которые символизируют природные явления и обладают глубоким смыслом. Эти узоры отличаются изяществом форм и яркостью цветов, что не только имеет эстетическую ценность, но и отражает духовное содержание веры орочонов в природу.

Как упоминалось ранее, в художественных формах культуры орочонов, будь то примитивные формы или тесно связанные с повседневной жизнью берестяные изделия и одежда, используются природные мотивы. Через упрощение и обобщение создаются художественные формы с природными характеристиками, которые воплощают культурное содержание орочонов — «поклонение природе и одушевленность природы». Эти художественные формы также содержат философские идеи, отражающие национальные особенности орочонов, и продолжают играть важную роль в процессе культурных изменений и развития орочонов до наших дней.

III. Философское сознание в изобразительном искусстве орочонов

Философское сознание, воплощенное в изобразительном искусстве орочонов, уходит корнями в их уникальный образ жизни, связанный с природой. Как народ охотников, орочоны тесно связаны с природой: они охотятся и собирают дары леса, завися от природных ресурсов для выживания. Такой образ жизни позволил им глубоко осознать важность природы и постепенно

[4] Гуань Сяюнь, Ван Хунган. Исследование шаманизма орочонов [Монография]. — Шэньян: Издательство «Ляонин жэньминь чубаньшэ», 1998. — 64 с. — ISBN 978-7-205-04154-0.

[5] Чжан Бяо, Юань Цзюньхуа. Исследование происхождения древних наскальных рисунков в бассейне реки Хэйлунцзян и живописи орочонов // Журнал Фуянского педагогического университета (социальные науки). — 2015. — № 1 (163). — С. 149. — DOI: 10.14096/j.cnki.cn34-1044/c.2015.01.033.

сформировать чувство благоговения перед ней. Они считают, что все живые существа в природе священны и обладают собственной жизнью и душой. Они верят, что человек и природа взаимозависимы и находятся в гармоничном сосуществовании, а не в простых отношениях использования и эксплуатации. Поэтому в процессе охоты и собирательства орохоны всегда следуют принципам уважения, подчинения и защиты природы. Они не убивают животных чрезмерно, а берут от природы только то, что необходимо для жизни, чтобы обеспечить устойчивое использование природных ресурсов.

Они выражают эту философскую идею в своей жизни через различные формы художественного творчества, такие как орнаменты на предметах быта, узоры и ритуалы жертвоприношений, демонстрируя почтение и благодарность природе. Это отражает философское сознание «природа превыше всего», направленное на молитвы духам о защите и благодарность природе за её дары. Такое философское сознание оказало глубокое влияние на социальную жизнь орохонов, сформировав их национальную культуру и традиции, основанные на гармоничном сосуществовании с природой.

Философское сознание орохонов, выраженное в идеях «природа превыше всего» и «гармоничное сосуществование с природой», глубоко влияет на их изобразительное искусство. Изобразительное искусство, как визуальное выражение культуры, не является простым подражанием природе и жизни, а скорее отражает их внутренний мир и философские идеи. В художественных формах они используют темы животных, растений и мифологических легенд, чтобы выразить свое благоговение и уважение к природе. Они верят, что всё в природе обладает жизнью и душой, и в процессе художественного творчества вкладывают свои эмоции и духовный мир в свои произведения, выражая уважение и благодарность природе, а также идею гармоничного сосуществования с ней, что формирует их ярко выраженное национальное философское сознание.

Таким образом, философское сознание орохонов находит всестороннее отражение в их изобразительном искусстве. Это сознание не только влияет на стиль художественного творчества и эстетические устремления орохонов, но и формирует их уникальный культурный характер и духовный облик. Исследуя изобразительное искусство орохонов, мы можем глубже понять внутренний мир и философские идеи этого народа, ощутить их мудрость и чувства, направленные на гармоничное сосуществование с природой.

IV. Заключение

Философская ценность культуры орохонов постепенно формировалась и обогащалась в ходе долгого исторического процесса, всё более концентрированно проявляясь в их изобразительном искусстве. Это позволяет более наглядно представить философское сознание их культуры и зафиксировать изменения и развитие истории и культуры орохонов. Глубокое изучение этих художественных форм позволяет нам понять образ жизни, социальную структуру и духовный облик орохонов в разные исторические периоды.

В целом, философская ценность изобразительного искусства орохонов обладает глубоким историческим значением. Оно является не только свидетельством истории орохонов, но и воплощением их национальной мудрости и культуры. Философское сознание, отраженное в их искусстве, также проявляется в уникальной интерпретации жизни и духа. Такое философское осмысление не только обогащает содержание изобразительного искусства, вдохновляя на философские размышления, но и предоставляет ценные уроки и философские идеи для развития современной национальной культуры, делая культуру орохонов ещё более глубокой и многогранной.

Список использованной литературы

1. Хингеева Л.М. Элементы шаманского костюма в контексте культурно-исторической эволюции бурятского и монгольского народов // Человек и культура. 2023. № 1. С. 67-81. DOI: 10.25136/2409-8744.2023.1.37523 EDN: HDNZNN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37523
2. Хай Жи, Чжу Линь. Обзор исследований орохонов в Китае // Журнал Харбинской партийной школы. — 2012. — № 3 (81). — С. 91.
3. Ци Чжоу, Ци Цунвэнь. Китайская «красота»: философские основы искусства национального костюма Китая // Декоративное искусство. — 2007. — № 175. — DOI: 10.16272/i.cnki.cn11-1392/i.2007.11.037. — CNKI: SUN: ZSHI.0.2007-11-027.
4. Гуань Сяюнь, Ван Хунган. Исследование шаманизма орохонов [Монография]. — Шэньян: Издательство «Ляонин жэньминь чубаньшэ», 1998. — 64 с.
5. Чжан Бяо, Юань Цзюньхуа. Исследование происхождения древних наскальных рисунков в бассейне реки Хэйлунцзян и живописи орохонов // Журнал Фуянского педагогического университета (социальные науки). — 2015. — № 1 (163). — С. 149. — DOI: 10.14096/j.cnki.cn34-1044/c.2015.01.033.

ЭСТЕТИКА И ФИЛОСОФИЯ ЭКСТРЕМАЛЬНОЙ МУЗЫКИ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Лапковский Павел Александрович
Основатель и директор, Grave Island Records
Лимассол, Кипр

AESTHETICS AND PHILOSOPHY OF EXTREME MUSIC: MODERN TRENDS

Lapkowski Pavel
Founder & CEO, Grave Island Records
Limassol, Cyprus

DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2024.2025.6.122.2161

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию эстетических форм и философских установок экстремальной музыки в условиях современных тенденций. Анализ выполнен на основе сопоставительного изучения текстовых образов, звуковых структур и визуальных компонентов, отражающих творческое самоопределение исполнителей. Работа предусматривает детальное рассмотрение публикаций отечественных и зарубежных исследователей, использованных для выявления взаимосвязей между художественными решениями и идеологическими установками. Приведенные результаты анализа литературы и эмпирических данных помогли формированию нового представления о специфике жанра, характеризуемого радикальными преобразованиями традиционных норм. Приведенный материал раскрывает связь между экспрессивными характеристиками и смысловыми установками, обнаруженными в анализе художественных текстов, аудиозаписей и графических решений. Полученные результаты предоставляют возможность изучить динамику преобразований эстетической сферы экстремального музыкального направления. Исследование стимулирует переосмысление представлений о художественном высказывании в современной культурной среде. Статья будет полезной для исследователей эстетики экстремальной музыки, представителей культурологии, музыкальной критики и теоретиков творческой практики, стремящихся к анализу связей текстовых, звуковых и визуальных средств художественного выражения.

ABSTRACT

The article is devoted to the study of aesthetic forms and philosophical attitudes of extreme music in the context of modern trends. The analysis is based on a comparative study of text images, sound structures and visual components reflecting the creative self-determination of performers. The work provides a detailed examination of publications of domestic and foreign researchers used to identify the relationship between artistic solutions and ideological attitudes. The presented results of the analysis of literature and empirical data helped to form a new understanding of the specifics of the genre, characterized by radical transformations of traditional norms. The presented material reveals the relationship between expressive characteristics and semantic attitudes found in the analysis of artistic texts, audio recordings and graphic solutions. The obtained results provide an opportunity to study the dynamics of transformations in the aesthetic sphere of the extreme musical direction. The study stimulates rethinking of ideas about artistic expression in the modern cultural environment. The article will be useful for researchers of the aesthetics of extreme music, representatives of cultural studies, music criticism and theorists of creative practice, seeking to analyze the connections of textual, sound and visual means of artistic expression.

Ключевые слова: эстетика экстремальной музыки, философия экстремальной музыки, современные тенденции, текстовые образы, звуковые структуры, визуальное сопровождение, экспериментальные решения, радикальные преобразования, культурный дискурс, музыкальное творчество.

Keywords: aesthetics of extreme music, philosophy of extreme music, modern trends, textual images, sound structures, visual accompaniment, experimental solutions, radical transformations, cultural discourse, musical creativity.

Введение

Обоснование исследования определяется отказом от традиционных норм, отражаемым в художественном выражении экстремальной музыки.

Релевантность исследования определяется переосмыслением традиционных представлений об эстетике посредством комплексного анализа синтеза текстовых, звуковых и визуальных средств экстремальной музыки, что стимулирует формирование новой методологической парадигмы в изучении радикальных преобразований художественного высказывания, расширяет

горизонты эмпирического исследования музыкальной культуры и обогащает теоретические подходы к анализу современной эстетической динамики.

Цель исследования состоит в выявлении закономерностей формирования эстетических образов и философских установок, реализуемых посредством синтеза текстовых, звуковых и визуальных компонентов.

Постановка задач включает следующее:

1) осуществление сравнительного анализа текстов, определяющих художественные установки;

2) исследование музыкальных структур с акцентом на резкие динамические контрасты;

3) анализ визуального сопровождения, отражающего эстетическую экспрессию.

Новизна исследования выражается в подходе, который объединяет метод сопоставительного анализа и изучения эмпирических данных, чтобы рассматривать экстремальную музыку как инструмент выражения философских установок и культурного самоопределения.

Материалы и методы

Для написания данной работы были использованы следующие материалы: Ю.В. Воронова, А.О. Мельцева и Т.С. Нестерова [2] в своей работе исследовали социально-психологические особенности текстовой составляющей современного популярного деструктивного музыкального контента. Н.Г. Онгарбековна [5] описала трансформацию образа дьявола в тяжелой музыке. Г.И. Латинов [4] представил анализ метал-музыки в рамках современного философско-политического дискурса. Д.И. Иванов [3] рассмотрел обложку рок-альбома как имиджевый компонент синтетической языковой личности. Р.О. Ollivier, Л.Г. Goupil, M. Liuni и J.-J. Aiscouturier [9] провели исследование экстремальной музыки с позиции когнитивного контроля над системами восприятия угроз. В.В. Volák [10] проанализировал концепцию heaviness в метал-музыке. А.В. Торопова и О.А. Александрова [6] изучили восприятие эмоционального содержания экстремальной музыки. И.В. Величко [1] исследовал взаимопроникновение хэви-метала и современности. А.В. Komleva [7] рассмотрела влияние традиционной европейской школы на развитие музыкального искусства в США. Б.В. McCraw [8] анализировал современную эстетику и феномен death metal.

Для составления статьи применены сравнительный анализ источников и дискурсивный метод.

Результаты и обсуждение

Современная экстремальная музыка характеризуется сложным синтезом элементов, где художественные замыслы реализуются через синергетическое взаимодействие текстовых, звуковых и визуальных компонентов. Выявленная эстетика жанра опирается на следующие тенденции [9]:

- Окультирные и ритуальные мотивы. Использование латинских фраз, символики и аллюзий на магические ритуалы подчеркивает стремление уйти от традиционных форм выражения, заменяя их символами, вызывающими ассоциации с потусторонним и запретным [5].

- Экспериментальные звуковые решения. Применение сложных ритмических схем, полиритмии и диссонансных элементов способствует созданию гипнотической и эмоционально напряженной атмосферы. Музыкальные структуры часто базируются на резких контрастах между быстрыми фрагментами и минималистичными повторами [8].

- Интеграция визуального искусства. Визуальное сопровождение, представляемое через обложки альбомов и сценические элементы, дополняет музыкальное и текстовое содержание. Готические силуэты, минималистичные или наоборот экстравагантные графические решения, игра цвета и формы служат для усиления иммерсивного эффекта восприятия и создания единой художественной концепции [3].

Эти тенденции отражают как стремление к экспериментальному самоисследованию, так и протест против устоявшихся норм, что приводит к синтезу эстетических и философских идей в рамках экстремальной музыки.

В рамках исследования проведен подробный анализ трех значимых примеров, каждый из которых охватывает следующие компоненты: анализ лирического содержания, музыкальной структуры и визуального оформления, а также рассматривает форму самовыражения (см. Табл. 1, 2, 3).

Таблица 1.

Анализ произведения Mayhem – De Mysteriis Dom Sathanas
(Источник: составлено автором на основе собственного исследования)

Анализ лирики	Лирическая часть представляет собой сочетание оккультных образов и латинских фраз, отсылающих к магическим ритуалам. Текст опирается на образы тьмы, глубокой тайны и запретных знаний, создавая атмосферу обряда. Упоминание книги из человеческой плоти, обрядовых предметов и числовой символики свидетельствует о стремлении подчеркнуть мрачную сторону человеческого опыта. Латинские выражения, вставленные в стихотворную канву, придают дополнительную мистическую окраску, формируя впечатление языческого действия.
Анализ музыкальной структуры	Инструментальная часть основана на быстрой гитарной игре с характерными для блэк-метала риффами, дополненными агрессивными ударными партиями. Вокал звучит с надрывной интонацией, создавая ощущение неотступной угрозы. Смена темпа и чередование мрачных мелодических фрагментов с резкими шумовыми вставками усиливают эмоциональную напряжённость. Общая структура композиций нередко опирается на минималистичные повторения, что помогает достичь эффекта гипнотического воздействия.
Анализ визуального оформления	Обложка демонстрирует готический силуэт храма, выделенный насыщенным фиолетовым цветом. Подобный выбор оттенков придаёт изображению зловещую выразительность и подчёркивает связь с ночными ритуалами. Логотип группы с острыми, напоминающими кинжалы элементами подчёркивает экстремальный характер музыки, создавая ощущение напряжённого ожидания. Тёмный фон усиливает общее впечатление мрачного обряда, погружая зрителя в атмосферу запретного таинства.
Форма самовыражения	Создатели данной композиции используют мрачные образы и звуковые контрасты, отражающие идею отрицания общепринятых норм. Применение латинских фрагментов и тяжёлого вокала подчёркивает стремление к демонстрации радикальной эстетики. Агрессивная манера исполнения, резкие переходы и обильные отсылки к оккультной символике создают впечатление единой художественной концепции, в которой сочетание музыки и текста служит средством раскрытия тёмной стороны мировоззрения.

Таблица 2.

Анализ произведения Meshuggah – Obzen
(Источник: составлено автором на основе собственного исследования)

Анализ лирики	Лирическая часть содержит интенсивные описания морального разложения, физической грязи и жестокости. Присутствуют упоминания о рвоте, крови и болезнетворной среде, которые подаются как фундамент новой концепции мироустройства. Происходит акцент на разрушении традиционных идеалов и на смещении границ между чистотой и гниением. Образы войны, коррупции и боли служат символами для подчёркивания общего упадка, придавая тексту провокационный характер.
Анализ музыкальной структуры	Композиция отличается сложными ритмическими схемами, основанными на переменных размерах и полиритмии. Гитары звучат резко и агрессивно, формируя высокую плотность звукового полотна, в котором прослеживается сочетание тяжёлых риффов и непредсказуемых смен темпа. Вокал подчёркивает атмосферу напряжения и отчуждения благодаря экспрессивной подаче, поддерживаемой интенсивной работой ударных инструментов. Общая звуковая картина демонстрирует стремление к эксперименту, где традиционные мелодические ходы нередко заменяются дезориентирующими диссонансами.

Анализ визуального оформления	Обложка демонстрирует фигуру с бледной кожей и покрашенными глазами, которая прижимает палец к губам, окрашенный в красный цвет. Контраст светлого фона и кровавого оттенка усиливает ощущение тревоги, а молчаливый жест указывает на внутреннюю напряженность. Минималистичное окружение создает впечатление пустоты, подчеркивая центральный образ и пробуждая ассоциации с приглушённым насилием. Шрифт названия группы и альбома выполнен в сдержанной манере, что формирует цельное визуальное решение и сосредотачивает внимание на символике центральной фигуры.
Форма самовыражения	Авторы демонстрируют личный взгляд на гармонию, при котором внутреннее равновесие достигается через осознание уродливого и болезненного. Сочетание резкой звуковой структуры, провокационных текстов и зловещих образов служит каналом для выражения протеста против условностей. Смещение акцента на мрачные мотивы отражает идею о том, что только прямое столкновение с крайностями ведет к пониманию глубинных процессов бытия. Устойчивое стремление к эксперименту в лирике и музыке порождает цельную художественную форму, в которой гротеск приобретает статус новой нормы.

Таблица 3.

Анализ произведения Behemoth – The Satanist
(Источник: составлено автором на основе собственного исследования)

Анализ лирики	Повествование о противостоянии религиозным догмам, где отсылки к библейским сюжетам, символике Саломеи и собственному самоопределению сочетаются с темами разложения и освобождения от навязанных канонов. Лексика наполнена образами падения, тьмы и трансформации, что подчёркивает общее стремление к отказу от общепринятых моральных устоев. Герой, описывающий своё восхождение из глубин и сбрасывающий «ореол», формирует представление о рождении нового взгляда, не ограниченного традиционными религиозными рамками. Ссылки на Милтона и обращение к мотивам бунта указывают на стремление к независимости, где грех приобретает позитивную окраску как символ самоутверждения.
Анализ музыкальной структуры	Звуковой ряд построен на сочетании мощных гитарных риффов с агрессивными барабанными партиями, создающими мрачное и напряжённое впечатление. Вокал имеет экстремальную манеру подачи, насыщенную хриплым тембром, что придаёт дополнительную тяжесть композиции. Периодические замедления сменяются ускоренными фрагментами, создавая резкие перепады динамики. В мелодических линиях встречаются диссонансные интервалы, усиливающие атмосферу зловещего торжества. Подобная структура подчёркивает идею неупорядоченного, хаотичного развития, где каждый элемент поддерживает общую мрачную направленность.
Анализ визуального оформления	Обложка демонстрирует таинственный лик с крылоподобными формами, словно вырастающими из головы, что вызывает ассоциации с потусторонними силами. Тёмные оттенки фона, сочетание тусклых коричнево-золотистых тонов и неестественные очертания создают гипнотический эффект. Чаша у основания, напоминающая алтарный атрибут, подчёркивает сакральную атмосферу, а искажённые формы вокруг лица передают ощущение метафизического процесса. Изображение выглядит как старинное полотно, пропитанное оккультными мотивами, что заставляет рассматривать данную работу в качестве самостоятельного художественного высказывания.
Форма самовыражения	Коллектив транслирует идею освобождения через разрушение привычных религиозных и социальных норм. Использование библейских отсылок, агрессивной инструментальной линии и тёмной эстетики выступает объединяющим каркасом, в котором тексты, музыка и визуальные элементы взаимно дополняют друг друга. Наблюдается намерение расширить границы допустимого, где экзальтация греха и переосмысление сакрального служат способом утверждения личной свободы. Подобный синтез указывает на стремление создать цельное высказывание, отражающее внутренний конфликт между духовным бунтом и поиском нового источника вдохновения.

Все три примера объединяет стремление к художественной экспрессии через радикальное отторжение общепринятых эстетических и социальных норм. Анализ текстов, музыкальных структур и визуального сопровождения демонстрирует, что современные тенденции в экстремальной музыке направлены на создание нового культурного дискурса, в котором традиционные понятия красоты, гармонии и порядка подвергаются переосмыслению.

Одним из центральных аспектов исследования является понимание экстремальной музыки как формы самовыражения и протеста. Авторы анализируемых произведений не только экспериментируют с новыми формами звукового и визуального восприятия, но и выстраивают собственную философскую позицию, отражающую бунт против общепринятых ценностей. В данном контексте можно выделить следующие направления:

1. Индивидуализация и поиск аутентичности. Через использование провокационных текстовых образов и нестандартных музыкальных решений, исполнители демонстрируют стремление к поиску внутренней истины, освобожденной от социальных и религиозных оков.

2. Деструкция традиционных норм. Отказ от привычных форм и канонов проявляется не только в тексте, но и в музыкальной структуре – использование диссонансов, резких динамических контрастов и экспериментальной ритмики позволяет размыть границы между жанрами и стилями [2].

3. Визуальное соупутствие как дополнительное средство протеста. Визуальная эстетика в экстремальной музыке не является лишь декоративным элементом, а служит полноценным компонентом художественного высказывания. Символизм обложек альбомов и сценических декораций выступает как средство критики традиционных эстетических норм и создает атмосферу, способствующую глубокому эмоциональному восприятию протеста.

То есть, экстремальная музыка в современной культуре выступает не просто как музыкальный жанр, а как явление, объединяющее в себе элементы философии, эстетики и социокультурной критики [4]. Именно через синтез текстовых, музыкальных и визуальных компонентов происходит формирование нового художественного дискурса, способного не только отражать, но и преобразовывать современные представления о красоте, истине и свободе.

Результаты анализа позволяют сделать вывод о том, что современная экстремальная музыка является феноменом, в котором эстетика и философия переплетены с идеями протеста и самоутверждения. Исследованные примеры демонстрируют, как посредством текстовых аллюзий, экспериментальных звуковых решений и провокационных визуальных образов формируется уникальное художественное пространство,

способное бросить вызов устоям мейнстримной культуры.

Общий анализ свидетельствует о том, что эстетика экстремальной музыки сегодня ориентирована на радикальное переосмысление традиционных понятий. Использование символики оккультизма, антиконформистских текстов и нестандартных музыкальных форм становится характерной чертой жанра.

Философия экстремальной музыки отражает внутренний конфликт между стремлением к самовыражению и сопротивлением внешнему давлению со стороны общества [10]. Это проявляется в постоянном экспериментировании, отказе от догм и стремлении к поиску нового источника вдохновения.

Самовыражение и протест в экстремальной музыке находят своё отражение не только в текстовой и звуковой составляющих, но и в визуальной эстетике, и это позволяет создать целостное художественное высказывание, интегрирующее различные виды медиа [6].

Таким образом, результаты исследования подчеркивают, что экстремальная музыка является не просто жанром в узком смысле, а культурным феноменом, способным служить инструментом философского осмысления современности и социального протеста.

Заключение

Анализ материалов подтвердил наличие связи между художественным высказыванием, текстовыми образами, звуковыми структурами и визуальным сопровождением, отражающим культурное самоопределение экстремальной музыки. Результаты анализа подтверждают выполнение поставленных задач по сопоставлению текстовой составляющей, исследованию музыкальных конструкций и оценке визуального оформления. Полученные данные позволяют рекомендовать подход, способствующий изучению дискурса экстремального музыкального творчества. Выводы исследования демонстрируют практическую применимость методологии, примененной при анализе творческих высказываний, и способствуют развитию теоретических основ эстетического анализа экстремальной музыки.

На основе проведенного анализа можно сделать вывод, что современная экстремальная музыка — поле для проявления художественного протеста и самовыражения. Через интеграцию текстовых, музыкальных и визуальных элементов артисты создают многослойное эстетическое высказывание, в котором традиционные нормы подвергаются деконструкции, а новые формы восприятия — постоянной эволюции. Данные результаты позволяют утверждать, что эстетика и философия экстремальной музыки сегодня не только отражают внутренние переживания исполнителей, но и выступают в роли мощного культурного манифеста, способного стимулировать общественные дискуссии и влиять на формирование новых эстетических парадигм.

Исследование представленных примеров демонстрирует разнообразие методов и приемов, используемых в современном экстремальном музыкальном пространстве, и подчеркивает его потенциал как средства выражения противоречивых, но жизненно важных идей. Эти данные служат отправной точкой для будущих исследований в области эстетики и философии экстремальной музыки, а также позволяют лучше понять её роль в современном культурном дискурсе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Величко И. В. Взаимопроникновение музыки хэви-метал и современности // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. – 2013. – № 1-2 (5-6). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimoproniknovenie-muzyki-hevi-metal-i-sovremennosti> (дата обращения: 14.02.2025).

2. Воронова Ю. В., Мельцева А. О., Нестерова Т. С. Социально-психологическое исследование текстовой составляющей современного популярного деструктивного музыкального контента // Психология и педагогика служебной деятельности. – 2022. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskoe-issledovanie-tekstovoy-sostavlyayushey-sovremennogo-populyarnogo-destruktivnogo-muzykalnogo-kontenta> (дата обращения: 14.02.2025).

3. Иванов Д. И. Обложка рок-альбома как составляющая имиджевого компонента синтетической языковой личности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 10-1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oblozhka-rok-alboma-kak-sostavlyayuschaya-imidzhevogo-komponenta-sinteticheskoy-yazykovoy-lichnosti> (дата обращения: 14.02.2025).

4. Латинов Г. И. Метал-музыка в контексте современного философско-политического дискурса // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2021. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metal-muzyka-v-kontekste-sovremennogo-filosofsko-politicheskogo-diskursa> (дата обращения: 14.02.2025).

5. Наурыз Г. О. Трансформация образа дьявола в тяжелой музыке: сравнительный анализ в контексте поджанров метала // Studia Humanitatis. – 2022. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-obraza-dyavola-v-tyazheloy-muzyke-sravnitelnyy-analiz-v-kontekste-podzhanrov-metala> (дата обращения: 14.02.2025).

6. Торопова А. В., Александрова О. А. Восприятие эмоционального содержания экстремальной музыки как предмет обсуждения в курсе музыкально-психологической антропологии // Музыкальное искусство и образование. – 2021. – № 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospriyatie>

emotsionalnogo-soderzhaniya-ekstremalnoy-muzyki-kak-predmet-obsuzhdeniya-v-kurse-muzykalno-psihologicheskoy (дата обращения: 14.02.2025).

7. Komleva A. V. Phenomenological and Aesthetic Influence of the Traditional European Music School on the Development of Musical Art and Musical Culture of the USA in the Beginning of the XXI Century (in Particular, the Genre of Heavy (Extreme) Music) // International scientific review. – 2022. – № LXXXIV. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/phenomenological-and-aesthetic-influence-of-the-traditional-european-music-school-on-the-development-of-musical-art-and-musical> (дата обращения: 14.02.2025).

8. McCraw B. W. Brutal truth: modern(ist) aesthetics and death metal // Journal of Aesthetics & Culture. – 2024. – Vol. 16, No. 1. – DOI: 10.1080/20004214.2024.2328878.

9. Ollivier R., Goupil L., Liuni M., Aucouturier J.-J. Enjoy The Violence: Is Appreciation for Extreme Music the Result of Cognitive Control Over the Threat Response System? // Music Perception: An Interdisciplinary Journal. – 2019. – Vol. 37, No. 2. – P. 95–110. – DOI: 10.1525/mp.2019.37.2.95.

10. Volák V. Heaviness: A Key Concept of Metal Music Through the Lens of Deleuzian Philosophy // Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis Studia de Cultura. – 2022. – Vol. 14. – P. 53–62. – DOI: 10.24917/20837275.14.3.4.

REFERENCES

1. Velichko I. V. Interpenetration of heavy metal music and modernity // Humanitarian statements of TGPU named after L. N. Tolstoy. - 2013. - No. 1-2 (5-6). - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimoproniknovenie-muzyki-hevi-metal-i-sovremennosti> (date of access: 14.02.2025).

2. Voronova Yu. V., Meltseva A. O., Nesterova T. S. Social and psychological study of the textual component of modern popular destructive musical content // Psychology and pedagogy of service activities. – 2022. – No. 4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialno-psihologicheskoe-issledovanie-tekstovoy-sostavlyayushey-sovremennogo-populyarnogo-destruktivnogo-muzykalnogo-kontenta> (date of access: 14.02.2025).

3. Ivanov D. I. Rock album cover as a component of the image component of a synthetic linguistic personality // Humanitarian, socio-economic and social sciences. – 2015. – No. 10-1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/oblozhka-rok-alboma-kak-sostavlyayuschaya-imidzhevogo-komponenta-sinteticheskoy-yazykovoy-lichnosti> (date of access: 14.02.2025).

4. Latinov G. I. Metal music in the context of modern philosophical and political discourse // Bulletin of Leningrad State University named after A. S. Pushkin. – 2021. – No. 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metal-muzyka-v-kontekste-sovremennogo-filosofsko-politicheskogo-diskursa> (date of access: 14.02.2025).

5. Nauryz G. O. Transformation of the Image of the Devil in Heavy Music: A Comparative Analysis in the Context of Metal Subgenres // *Studia Humanitatis*. - 2022. - No. 4. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-obraza-dyavola-v-tyazheloy-muzyke-sravnitelnyy-analiz-v-kontekste-podzhanrov-metala> (accessed: 14.02.2025).
6. Toropova A. V., Aleksandrova O. A. Perception of the Emotional Content of Extreme Music as a Subject of Discussion in the Course of Musical and Psychological Anthropology // *Musical Art and Education*. - 2021. - No. 4. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospriyatie-emotsionalnogo-soderzhaniya-ekstremalnoy-muzyki-kak-predmet-obsuzhdeniya-v-kurse-muzykalno-psihologicheskoy> (access date: 02/14/2025).
7. Komleva A. V. Phenomenological and Aesthetic Influence of the Traditional European Music School on the Development of Musical Art and Musical Culture of the USA in the Beginning of the XXI Century (in Particular, the Genre of Heavy (Extreme) Music) // *International scientific review*. - 2022. - No. LXXXIV. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/phenomenological-and-aesthetic-influence-of-the-traditional-european-music-school-on-the-development-of-musical-art-and-musical> (access date: 02.14.2025).
8. McCraw B. W. Brutal truth: modern(ist) aesthetics and death metal // *Journal of Aesthetics & Culture*. - 2024. - Vol. 16, No. 1. - DOI: 10.1080/20004214.2024.2328878.
9. Ollivier R., Goupil L., Liuni M., Aucouturier J.-J. Enjoy The Violence: Is Appreciation for Extreme Music the Result of Cognitive Control Over the Threat Response System? // *Music Perception: An Interdisciplinary Journal*. - 2019. - Vol. 37, No. 2. - P. 95–110. - DOI: 10.1525/mp.2019.37.2.95.
10. Volák V. Heaviness: A Key Concept of Metal Music Through the Lens of Deleuzian Philosophy // *Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis Studia de Cultura*. - 2022. - Vol. 14. - P. 53–62. - DOI: 10.24917/20837275.14.3.4.

Евразийский Союз Ученых.
Серия: филология, искусствоведение и культурология

Ежемесячный научный журнал

№ 1 (122)/2025 Том 1

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Макаровский Денис Анатольевич

AuthorID: 559173

Заведующий кафедрой организационного управления Института прикладного анализа поведения и психолого-социальных технологий, практикующий психолог, специалист в сфере управления образованием.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

• **Терентий Ливиу Михайлович**

AuthorID: 449829

Московская международная академия, ректорат (Москва), доктор филологических наук

• **Оленев Святослав Михайлович**

AuthorID: 400037

Московская государственная академия хореографии, кафедра гуманитарных, социально-экономических дисциплин и менеджмента исполнительских искусств (Москва), доктор философских наук.

• **Глазунов Николай Геннадьевич**

AuthorID: 297931

Самарский государственный социально-педагогический университет, кафедра философии, истории и теории мировой культуры (Москва), кандидат философских наук

• **Садовская Валентина Степановна**

AuthorID: 427133

Доктор педагогических наук, профессор, Заслуженный работник культуры РФ, академик Международной академии Высшей школы, почетный профессор Европейского Института PR (Париж), член Европейского издательского и экспертного совета IEERP.

• **Ремизов Вячеслав Александрович**

AuthorID: 560445

Доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, академик Международной Академии информатизации, член Союза писателей РФ, лауреат государственной литературной премии им. Мамина-Сибиряка.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна. Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Художник: Валегин Арсений Петрович
Верстка: Курпатова Ирина Александровна

Адрес редакции:
198320, Санкт-Петербург, Город Красное Село, ул. Геологическая, д. 44, к. 1, литера А
E-mail: info@euroasia-science.ru ;
www.euroasia-science.ru

Учредитель и издатель ООО «Логика+»
Тираж 1000 экз.